

VI. ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

§ 75. Общие замечания

Помимо исконного исторически-первичного глагола (глагола-корня), который являлся одно- или двусложным, уже праалтайский язык (или праалтайские языки), стремясь к наиболее краткой и выразительной передаче направления, вида и соответственно других оттенков действия, пользовался вторичными глагольными основами. Мы можем предполагать, что для выражения, например, страдательности, фактитивности, возвратности, обоюдности, длительности, многократности, общности и т. д. действия имелись особые глагольные основы. Окончания, которые ныне применяются с этой же целью в различных алтайских языках, являются далеко не древнейшими, а опираются на некое обобщение известных, легко воспринимавшихся типовых окончаний, которые послужили для них шаблонами. Такого характера новообразования постепенно вытесняли в каждом отдельном языке более древние типы окончаний, представлявшие ценность с точки зрения истории языка, но единичные образцы их могут быть обнаружены еще и в настоящее время.

А. ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГЛАГОЛОВ

§ 76. Современные типы вторичных глагольных основ

1. *Тюркский*. Тюркский применяет следующие вторичные образования:

- а) возвратный залог (рефлексив) с окончанием -п-;
- б) страдательный залог (пассив) с окончанием -л-;
- в) понудительный залог (каузатив) с окончаниями -т-, -ур- (-уз-), -тур- (-туз-), -дур-, -гур- (-гуз-), -тар-;
- г) залог совместности или взаимности действия (кооператив, или реципрок) с окончанием -š-.

2. *Монгольский*. В монгольском языке мы имеем:

- а) страдательный залог (пассив) с окончанием -гда-, -да-;
- б) понудительный залог (каузатив) с окончаниями -гул-, -га-, -лга-;
- в) совместности действия (кооператив) с окончанием -лца-;
- г) взаимности действия (реципрок) с окончанием -лду-;
- д) многократности (итератив) с окончанием -цага-;

с) кратко-уменьшительный (моментадно-диминутив) с окончанием -ʒāp-;

в процессе развития в постоянную категорию находятся следующие формы:

ж) поступательный залог (прогрессив) с окончанием -ʒ-wā- > -ʒ-

з) намерения (интенциональ) с окончанием -n-ge-; а также

и) совершенный (перфектив) с окончанием -ʒi oki > -čxi- > -e-

3. *Тунгусский.* В северных тунгусских диалектах вторичные глагольные основы развились настолько много, что даже выборочно назвать их не представляется возможным¹⁴⁶; особенно трудно это сделать потому, что различные диалекты северной группы довольно сильно отличаются в этом друг от друга. В южных диалектах соответствующие образования менее многочисленны. Наиболее употребительными производными основами являются:

а) страдательно-побудительный залог (пассив-каузатив) с окончанием -wu-, -w-;

б) переходности действия (фактив) с окончанием -wkāp-;

в) длительно-усилительный (континуатив-интенсив) с окончанием -t- ~ -či-;

г) поступательно-действительный (прогрессив-актуаль) с окончанием -ʒa-;

д) вступительный (инициаль) с окончанием -l-;

е) начинательный (инкоатив) с окончанием -sīp-;

ж) желательный (дезидератив) с окончанием -mū-;

з) взаимности действия (реципрок) с окончанием -lidi-; голыдь -lʒi-, маньч. -pʒi-;

и) эгрессив с окончанием -pa-;

к) спорадичности действия (адвентив) с окончанием -ʒi-;

л) противительный (адверсив) с окончанием -mat- ~ -mači- и т. д.

4. *Корейский.* Корейский язык имеет очень ограниченное число типов вторичных основ, которые применяются более обобщенно. Собственно говоря, они сводятся к следующим:

а) фактив, с окончаниями -i- ~ -gi-, -u- ~ -gu-, -thi- ~ -chi-; -theri-

б) учтивости (гоноратив) с окончаниями -p-, -sa-, -si-, -psi-, -sip-

в) отдельные случаи страдательных основ на -r- и фактивны на -ri-.

Все это разнообразие современных типов словообразования с точки зрения истории развития языка представляет, однако незначительную ценность. Поэтому мы должны прежде всего исследовать словообразующие суффиксы более древнего происхождения, являющиеся общими для всех или по крайней мере для большинства языков.

§ 77. Суффикс -bu-: страдательная основа

Страдательная основа с окончанием -bu- в тунгусском языке применяется регулярно. Многие диалекты образуют свою страдательную форму от первичной глагольной основы с помощью суф-

фиксов -wu-, -w-, -u-; встречающийся также довольно часто фактив на -wkan-, -ikan- представляет собой, по существу, фактив на -ka- от страдательной основы на -w-. Таким же весьма обычным глагольным производным образованием в корейском языке является страдательный залог на -b- ~ -p-, -bu- ~ -pu-; в особых фонетических условиях его суффикс выступает также в виде -o-, -u-.

1. *Тюркский.* В тюркском на первый взгляд обнаруживаются как будто лишь единичные примеры на -p- (<-b-) после -l- или -r- и также на -u- (<-w-): казах. qul-p- "быть очень острым", ср. quluc "меч", монг. kilagu, халх. xialū "острие"; бараб. julbu-s- "скользить", ср. julap "змея", монг. nila-, nilca- "быть скользким"; тур. sūlrū-k "хрусткий, мягкий", тур. sūlkū "мягкий"; тур. çal-p-an "плескаться (о воде в ведре)": монг. çal-gi- "шурша (о берег) биться"; тур. qurp- "резать": тур. qurq-, монг. kirga- "стричь", ср. монг., халх. xarwa-gar us "стриженные волосы"; уйг. šās- "развязывать" > šāšū- "развязываться", а также некоторые примеры на -b-, -ü-, -i- в более древних тюркских языках.

2. *Монгольский.* Примеры данных образований в монгольском языке малочисленны и малоубедительны: julbu-, julbu-ra- "становиться безволосым": julga "вырывать волосы", тюркск. julq- (то же); jūlbū- "сбрасывать кожу, терять волосы": jūlgū- (то же); jūlge "соскабливать, сбивать", тур. jūlū- (то же); urbu- "изменяться": бурят. uril- < urir- (переходн.) "изменять"; жуr-bu- -sun "нарезанное длинными кусками мясо" (< жуr-bu-l-): жуr-, жуrū- "рисовать", тур. jaz- чув. šir- "писать" (< jar); selbi- "улучшать, заменять старое новым": sel- "менять", selge- "обменивать", selgen "обмен, очередь", кор. ser-o "обоюдный, переменный"; tuurbi-, tugurbi- (< tugur-bu-), халх. tūrwi- "осуществлять, начинать", ср. тюркск. tuγ-ur- "рождать", tuγ- "рождаться", монг. tugul "теленек".

Таким образом, первоначальный -b- удержался только в позиции после -l- или -r-, в то время как в других позициях на нем отразились общие фонетические закономерности. В интервокальном положении этот -b- стал спирантным и фонетически совпал со спирантным -g-. дав в итоге долготу гласного. Такие монгольские слова, как например: a-burī "сущность, характер", kil-burī "действие" (< монг. ki-, тюркск. qul-, якут. kup- "делать, совершить"), öl-burī "мор" (тюркск. öl- "умирать", монг. "öl- "голодать" в слове ölü-n "голод, голодный", ölü-s- "быть голодным"), taji-l-burī "разгадка, объяснение" наряду с togta-burī ~ togta-gurī, в разговорной речи toktūri¹⁴⁷, peme-ri ~ pemūri "дополнение", ide-ši-tei ~ idūstē "сведобный" показывают, по какому пути шло развитие. Из -wu-ši (см. § 67) развились -ūši, в написании -guši; из -wu-ri (см. § 68) -ūri, в написании -gurī, а из -wu-i (см. § 69) -ul, в написании -gul, -agul. Более древнюю форму напоминает еще, например, якут. arābil "надежда", где arā-bū- в сравнении с arāl "надежда" и arāltā "надежда" еще отчетливее обнаруживает страдательную основу: arā-bū- < arā < монг. ege- "надеяться". Поскольку долгий гласный в монгольской орфографии обозначается через -g-, в написании между гласными, в боль-

илинстве случаев бывает трудно отличить -bu- в интервокальной позиции от -gu. Как доказывают якутские формы окончаний в слове qaraqul „караул, полиция“, мы имеем все-таки первоначально *qara-bu-l (qara- „смотреть, рассматривать“, qara-wu- „быть рассматриваемым“ или „побуждать к тому, чтоб был рассмотрен“).

3. *Тунгусский*. В тунгусском языке суффикс -bu-, -wu-, -ju- является еще продуктивным и применяется в двух значениях, например: bak- „находить, следить за чем-либо“ (= тюркск. baq- „fix the attention“), bak-u- „быть отыскиваемым“ и „велеть отыскать“, т. е. в страдательном и фактитивном употреблении, bak-ača „нашедший“, bak-u-ača „найденный, он был найден“; bu- „давать“, buw- „быть данным“, buw-kōt-, buw-kōp- „велеть дать; велеть, чтобы был дан“; wā- „убивать“, wača „убивший“, wārča „убитый (существительное)“; epe- „приходить“ (< e- „здесь“), epi- „приносить, быть принесенным“, epiw-kāp- „приносить“; в негид. -wu-ti да -pt-, например, wāptila > wārpa „убитый“ (прошедшее па-ti, см. § 66, ср. тунг. builē „смерть“). То же самое -b-ti обнаруживается в тунг. žerti- „есть“, ср. маньч. že-, тюркск. je- (то же). В маньчжурском языке страдательный на -bu- и фактитив на -gu-, -ju- совпали и так же, как в корейском языке, дали „реверсивный“ глагол.

Страдательное и покудающее значения суффикса в тунгусском языке не различаются так резко, например: epiw „я прихожу“, epiw или epe-wup „я привожу“; epe-gep „он ушел“, epew-gep „он унес или увез“. Причиной этого является отчасти фонетическое совпадение окончания -bu- с глаголом bu- „давать, допускать“ (ср. кор. pu- „выливать“), например: маньч. tolo- „считать“, tolo-bu-mbi, tolobumbi < tolobe bu-mbi „я приказываю считать, разрешаю считать“, но „меня присчитают (я буду присчитан)“ соответствует только форме tolo-bu-mbi; маньч. gene- „уходить“, genebumbi „я отсылаю, я приказываю уйти“; тунг. hawal- „двигаться“, hawalbu- „двигать, приводить в движение“.

Тунгусское имя действия (Nomen actionis) на -wup, вероятно, представляет собой, по меньшей мере в некоторых случаях, имя на -n от этой страдательной основы, например: duku- „писать“, duku-wup „написанное, письмо“. Весьма часто применяемые глаголы длительного вида на -t-, -ci-, имеют в этой форме в исходе -ci-wup, встречающиеся в маньч. в виде -cip: iče- „видеть“, iče-w- „быть видимым, быть очевидным, показываться“, iče-ciw „я рассматриваю“, iče-ciwup, iče-ciwup „рассматривание“, а также „инструмент для рассматривания, подзорная труба“.

4. *Корейский*. В корейском языке имеются два типа образования с этим окончанием. С одной стороны, язык имеет несколько глаголов на -bu- ~ -pu- со страдательным или непереходным значением, например, mirri- (< mit-pu- < mit- „верить“, midim „вера“, тюркск. bit-, тел., алт. pūt- „верить“) „быть правдоподобным“; kirri- „быть веселым“ (< kis-pu- < kis- „веселиться“), kikkop- (то же), kikkim „веселье, радость“, ср. тунг. kehem, kesem „быть веселым“ (Василевич, Сл. I, 117); karri „быть принужденным“

(< kas-pu-, ср. монг. qasu-, тюркск. qas- „стягивать“); parri- (parri-) „быть низким“ (< pat- < pač- „снижаться“, pažin „низкий“). С другой стороны, имеются глаголы на -b- со страдательным значением, например: us- „смеяться“, usip- „быть для смеха, быть смехотворным“, usim, uhim „смех, посмешище“, usim „смехотворность“ и т. д. Имеется, далее, множество глаголов на -kap- ~ -ker-, -gor- ~ -ger- и несколько на -sar- ~ -sip- или -sirep-, которые по своему значению являются качественными, например: kakkar- „быть близким“ (< kat-ka-b-, ср. kath-с „у, возле, к“, местный падеж от kat „сторона“, тюркск. qat-yn-da „при нем; у его стороны, бока“), tukker- „быть теплым“, tutker- — то же (< tut-ke-b-, ср. монг. dōri- „быть горячим, гореть“), sai-gor- „быть новым, обновляться“ (< sai-ra-b-, ср. sai, sā „новый“, монг. saja „недавний“, монг. H. saji „ровный“), oi-gor- „осиротеть, быть покинутым“ (ср. oi „одинокий“, тунг. oi „отделенный, единичный“).

Эти основообразования на -b- > -w- > -o- ~ -u- приобрели в корейском языке необычайно большое значение потому, что они сыграли важную роль при создании глагольных форм учтivity. Именно они и выражали то безличное действие (т. е. действие, как процесс), которое особо подчеркнуто выражают формы учтivity, например: son-nim-i kao „достоинимый гость идет“ (kao < ka-w-a, собственно: „будет пошедшим, станет пошедшим“) или kao-ida (kaō-da) „является идущим“. Глагольные формы на -o- или -o-, сев.-кор. -u-, -o-, несут в себе как раз страдательное -bu-, -b-: hap „сказанный, сказанный“, hap (то же), hap „сделать желающий, сделать долженствующий“, hap (то же); pud-ger- „быть легким“, сделать долженствующий, hap (то же); pud-ger- „становиться легким“, pud-gerim „легкий“, pud-gerim „легкий“ < pud-ge- „становиться легким“, ср. др.-монг. hōdün (< *pōdū), монг. ödün, калм. ödū „перо (птицы), пух“, pud-ger-so < pud-ger-sa-wa „это легко; если это дозволено“, pud-ge-wg-ssō < pud-ge-we-isso „это было легко“ (isso ~ issu < isiwg < isi-b- < *bisi-b- „процесс бытия“); tōpta (:tōa:tōin) „помогать, быть в помощь“ (< to-sa-b-, ср. *tō < *tos, монг. tusa, уйг. tusu, сол. tos „помощь“), topso „помогает, становится в помощь“ (< tosap-sa-wa).

§ 78. Суффикс -s- ~ -s- + гласный

Если мы сравним монг. глагол ölis- „голодать“, откуда чаг. ölis-tük „полумертвый“, с явно этимологически-родственными монг. ölbūri „мор“, тюркск. öl- „умирать“, тунг. ulbuni- „умирать с голоду“, мы найдем в них суффиксальный элемент -s-, который, кажется, присутствует и в многочисленных других глагольных производных в этих языках. Примерами могут служить монг. emis- „одеваться“ (emidün „брюки“, чув. vup — то же), sonos- „слушать“ (sonog „чуткий“)¹⁴⁵, qubis- „изменяться“, urus- „течь вперед“, ajis- „приближаться“ (тунг. agi- „причаливать лодку“, тунг. ag- „прибывать“), üže-s-kü-leng „красота“ (üže- „видеть“), baja-s-qu-lang „радость“ и т. д. В тюркском мы можем найти множество отглагольных имен на -uq (ср. § 66) от вторичных гла-

гольных основ на -s-, например, др. -тюркск., уйг. *batsyq*, *batysyq* „погружение“ (< *bat-* „погружаться“) в словосочетании *kün batsyq* „закат солнца“, *toysuq* в словосочетании *kün toysuq* „восход солнца“ (< *toγ-* „выходить“), *tosyq* „сытость“ (< *tod-syq* < *tod-* „быть сытым“), *jatsyq* (позднее *jastyq*) „подушка“ (< *jat-* „лежать“); уйг. *ölsük* „смерть“ (*öl-* „умирать“), далее, вероятно, в -пс- < -п-с-: *апсур*, *инсир* „так“, *јапс* наряду с *јај* < *јап*-, *сапс*- наряду с *сап*- и т. д. Тюркские глаголы на -уq, -ik- образованы, как правило, только от имен, тогда как образования на -суq-, -sik- являются отглагольными производными, например: *-tut-* „удерживать“, *tutsuq-* „быть удерживаемым (удерживаться)“ (в этом могло бы быть, пожалуй, усмотрено некое *tutsuq* < **tutzuq*-, т. е. глагол на -q- < **gi-* от *tutuz-*, однако, если исходить из приведенных выше примеров, такое объяснение неправомочно).

Вполне ясным представляется положение в корейском языке, где основообразование на -sa- являлось обычным. Его первоначальное значение остается, однако, до сих пор неясным. Позднее -sa-, таким же путем, как и страдательное -b-, или совместно с ним, было освоено парадигмой спряжения и превратилось в форму учтливости, например: *rad-* „получать, становиться“, *ratсар-* (< *rad-sa-b*) — то же, *jel-* „открывать“, *jeсар* (< *jel-sa-b*) — то же, *jet-* „сообщать“, *jetсар-* (< *jet-sa-b*) — то же, *karadaı*, *karasadaı* „говоря со словами“, *ha-*, *hasa-* „делать“ и т. д. После основы, оканчивающейся на согласный, основообразующий суффикс -sa- сохранился, после же гласной основы элемент -s- в позиции через -h- исчез, так что современный язык имеет, например, *hao* „делает“ наряду с архаическим *haso*, но *mekso*, *meksu* „ест“ (< *hasawa*, *mek-sawa*) наряду с *megio*, *megiu* (< *meg-ib-e*, — наречие на -a- от страдательной основы). Представляется, что образования на -sa- в корейском языке первоначально должны были иметь своего рода страдательное значение, т. е. обозначили действие как процесс; исходя из этого предположения, можно легко объяснить их употребление в качестве форм учтливости. Фактив на -i- от этой основы на -sa- оканчивается на -si- и дает производное образование, которое используется всеми глаголами действия.

§ 79. Суффикс -si-

От суффикса -s следует отличать суффикс -si-, засвидетельствованный только в тунгусском и корейском языках. К образованиям на -si- относятся тунг. *bisi-* „быть, существовать“ (наряду с *bi-* „быть“), *esi-* „не быть“ (*e-* „не делать...“), *osi-* „становиться, поступать“ (*o-* — то же), так же как кор. *isi-* „быть“ наряду с *i-* — то же (< **wisi-* < **bi-si-*), *hasi-* наряду с *ha-* „делать“ (< **he-* < **se-*, ср. маньч. *se-* „говорить, делать“). Этот суффикс особенно часто применяется в тунгусском языке и, по-видимому, подчеркивает продолжительность или непрерывность действия. См., например: гольд. *aloi-*, *aloi-si-* „обучать“, *pulsi-*, *pulsi-si-* „прогуливаться“, негид. *huli-* „прогуливаться“; гольд. *hersi-* „взывать“, тунг. *eri-*

„звать“, негид. *gji-kte-* „длительно звать“; гольд. *elbu-*, *elbusi-* „купаться, плавать“, тунг. *elbesi-*, *elbehi-*, маньч. *elbiše-*, *elbiš-* „купаться“; гольд., ольч. *puisi-* „кипятить, варить“, *pu-*, маньч. *iije*, тунг. *huju-*, *iju-* „кипятить“, монг. *üjü-* „варить“ (переходный).

Приведенные выше варианты *bi-* ~ *bisi-* „быть“, *o-* ~ *osi-* „становиться“, а также и отглагольный суффикс -si-, вероятно, очень древние. Наряду с этим, по-видимому, существовал и отыменный суффикс -si-, который имел значение „быть подобным такому-то“, или „быть таким, словно такой-то“, или „так делать“, например: тюркск. *qul* „раб“, **qulsy-* „быть, как раб“, в адъективном употреблении *qulsy-γ*, „рабский“; *temir* „железо“, *temirsi-* „быть, как железо“¹⁴⁹, адъект. тел. *temirsü*, уйг. *tämirsig* „железоподобный, как железный“; монг. *niqan* „мясо“, *niqasi-* „стать мясом, быть или стать мясистым“¹⁵⁰, *niqasigu*, *niqasig* „мясистый, мясopодобный“; кор. *saram* „человек“, *saram-si-gob* „быть, как человек, быть человеческим, человекоподобным“; тунг., гольд. *peku* „жар“, гольд. *pekusı-* „быть горячим“, негид. *heku-*, *hekusi-* — то же; монг. *egeg* „жар, солнечный зной“, *ege-* „сушить (на солнце) — вялить“, *egeg-si-* „быть горячим, пылать“. Из-за фонетического совпадения и трудности установления специфики значения отглагольного *si* оба эти образования почти не отличимы друг от друга.

Относительно отыменного -si- см. § 95, ж.

§ 80. Суффиксы -d- и -t-

В древнейшем тюркском языке существовали как отглагольные, так и отыменные глаголы, образованные с помощью -d-, например: *to-d-* „насыщаться“ (ср. *to-q* „сытый“, *to-l-* „наполняться“); *jo-d-* „пропадать“ (*jo-q* „без, не“); *ju-d-* (наряду с *ju-*, *ju-k-*) „нагружать“ (ср. кор. *ci*, монг. *ju-ge* — то же); *qo-d-* (параллельно *qo-*) „покидать“; уйг. *id-* „заболевать“, монг. *iwi* — то же (ср. *iq* „болезнь“). В монгольском языке также встречается несколько глаголов со вторичным -d- в исходе основы, например: *udugi-*, *udugi-d-* „предводительствовать, заставить следовать“ (ср. *udun* „потомство“, тюркск. *ud-* „следовать за“, *udug-*, *uduz-* „предводительствовать, заставить следовать“); *aji-la-d* „говорить, сказать“, *ajilad-qa-* „заставить высказать, спрашивать“ (*aji* „звук“, *ajila-* „огласить, сказать“); *pere-d-*, *pere-ji-d* „называть“ (*pere-ji-* „называть“, *pere* „имя“); *qanija-d-* наряду с *qanija-* „кашлять“ (калм. *qanā-* „кашлять“, *qanā-dn* „кашель“); *inije-d-ün* „смех“ наряду с *inije-* „смеяться“ (калм. *inā-* „смеяться“, *inādñ* „смех“) и др.

Эта вторичная основа на -d- имела, по крайней мере в некоторых случаях, значение длительности, и, вероятно, именно от нее тюркский получил свое отглагольное имя на -duq, монгольский язык — свое *Nomen usus* на -dag (< **daq*), а тунгусский (негидальский) — свое отглагольное образование на -dig-in. Примеры подобного основообразования на -d- могут быть найдены и в корейском языке, например: кор. *mb-* „собирать“ (деепричастие прошедшего времени *mba*),

тод- „собирать“ (деепричастие прошедшего времени тода, причастие прошедшего времени тодин „собранный, собравший“, др.-тюркск. budun „народ“, кор. имя на -i- тожі в форме то-тожі „коллективно“ монг. шижі „народ, провинция“, кор. тодо „коллектив“); гольд. то- „вставать, подниматься“, кор. то- „всходить, подниматься“, тод- „вырастать, продолжать развиваться“, переходная форма (факттив) totčhi-, тод-о- „возвышать, поднимать“ (ср. тоі- „становиться, происходить, выходить“ < *to-wu-i-), ср. тюркск. тоу- „всходить (о солнце)“.

Связь между этой основой на -d- и продуктивной основой на -t-, встречающейся в некоторых тунгусских диалектах, представляется сомнительной. Основа на -t- ~ -ti- имеет в большинстве случаев значение непрерывности или интенсивности действия, например тунг. іс-и „смотреть“, іс-иш > гольд. іс-ишби „рассматривать“, негид. тег-иш „сидеть, сидеть“, тег-иш-иш „(продолжительно) сидеть“, га- „брать, получать, покупать“, га-т-сам „скупать“, тунг. іі- „вставать“, іі-сі- „(стоймя) стоять“, іі-т-кі- „ставить стоймя (= устанавливать)“, ср. кор. іі ~ іі- „подниматься“, іі-ккі- „устанавливать“; негид. ііг-де- „вдыхать“, ііг-де-сі- „(продолжительно, непрерывно) вдыхать“. Существительное на -wun от этого глагола на -сі- звучит -сі-wun; в маньчжурском языке оно дало отглагольное имя на -сип, например: маньч. ала-сип „ожидание“ < ала-, тунг. ала-сип „ожидать“, ольча бала-с- (то же).

Очень употребительный в ламутском языке континуативный глагол на -wat-, -oi- следует, быть может, соотнести с этими образованиями, ибо возможно допустить, что данное -t- как раз и являлось окончанием, выражавшим непрерывность действия. Возможно также, что здесь оказался инкорпорированным некий, первоначально самостоятельный, глагол, например: лам. бак-гом „я нахожу“, бакот-там „я как раз собираюсь найти это, я вот-вот найду“, ср. бакаддом „я теперь нахожу“ (ср., далее, окончание тунгусского прогрессива -d'a-). Тунг. -wat- < *yat- имеет также известное сходство с суффиксом -gad монгольского деепричастия прошедшего времени. Эту же основу на -t- я предположительно принимаю как исходную форму для монгольского желательного-повелительного на -тугаі: jabutugai, boltugai, bütügei (см. § 54).

Глубокую архаичность элемента -t- доказывает то, что некоторые из глаголов, считавшихся с точки зрения тюркских языков явно первичными, как только их начинают сравнивать с аналогичными глаголами в корейском языке, представляются вторичными. Например: тюркск. ja- „лежать, собираться что-либо сделать“: кор. са- „лежать“, тунг. -d'a- „собираться“; тюркск. bat- „погружаться“: кор. *pa- и ppa- „падать вниз, погружаться“, гольд. pa- „падать“, монг. ба-г-ла „вмешаться“; тюркск. čat- „прилипать, приставать“, кор. čha- „захватывать, задерживать“, čhai- „заставить задержать“, čhai „рукоятка, схватывание“, маньч. ča „хватать, брать“; тюркск. jät-, jät- „достигать, подходить“, монг. žid-kü- „стремиться, силиться, напрягаться“: кор. čі-, сев.-кор. ті-, „становиться“, маньч. ži- ~ žid-

ольд. di ~ did- „приходить“; этому соответствуют монг. čad- ~ čas- „насыщаться, быть сытым“, могол. čat-qa- (то же): кор. čha- „быть полным“, čhai- „наполнять“, čhai „величина“.

Насколько можно судить об этом ныне, существовало два различных древних типа основообразований, из которых один представлен в тюркском посредством -d-, другой — посредством -t-. Вопрос о том, являлся ли тип образования на -d- тождественным образованию на -s- или первоначально они были различными, нашему суждению не поддается.

§ 81. Суффикс -l-

Производные глаголы на -l- встречаются во всех алтайских языках, исключая, однако, корейский. В современном тюркском с помощью этого суффикса образуется страдательный залог. Однако это образование не может являться особо древним по своему происхождению, так как оно еще отсутствует в чувашском языке, где могут быть обнаружены лишь единичные его примеры (Ашмарин, § 52). В монгольском языке применяется ряд типов образований на -l- (см. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen, стр. 4—), например: монг. aril- „исчезать“ (< ar- в arigun „чистый“, тунг. ar- wun, тюркск. aru- — то же, монг. arči-, тюркск. art- „чистить“); монг. dežil- „преодолевать, побеждать“ (< deg- в deger-e „вверху, лучше“, др.-тюркск. jāg „хорошо, лучше“, тур. jej, чув. śi — то же, тюркск. jāg „побеждать“ < первоначально jāg-p- „быть лучшим“); монг. ködül- „двигаться, быть усердным, работать“ (уйг. ködük „работа“, монг. ködül-пий-гі — то же); монг. četel- „стариться“ (ср. četegü „старик, медведь“, тюркск. Ötügen „родина тюрков“, тунг. ütü „старый“, utuŋme „плохой, испорченный“, чув. vadš „старый“ > мар. vatš „старуха“); монг. dugul- „слушать“, dugul-da- „слышаться“, тунг. döl-di „слушать“, гольд. dol-ži-, маньч. donži — то же (с континуативным, по-видимому, -di-), тунг. dölča- „прислушиваться, вслушиваться“ (ср. монг. dagun, калм. dūn „звук“, калм. dūlx-, тунг. dawla- „петь“); монг. qubil- „принимать иную форму (= „преображаться“), qubis — то же, qubilgan „революция“, qubisqal „изменение“ и др.

Эти производные глагольные образования на -l- должны были лечь в основу отглагольного суффикса -lga, -lgan, встречающегося как в монгольском и тунгусском языках, так и в тюркском, например: монг. uulga, uulgan „питье, напиток, глоток“ [< uu-, тюркск. or-, тунг. uw- „пить, втягивать (в себя жидкость)“], qagalga „затворы (замыкание)“, ворота (калм. xaluz, тюркск. qaruy — то же), jabulga „ходьба, походка, ход (хождение)“, dagu-lga „сжимание, способ сжимания“, ujalga, ujalgan „связывание, связка, том“; тюркск., тур. ojuqla „сшивание“; монг. oju- „шить“, ojuqla „шов, шитье“; тунг. d'awalgan — деталь шаманского бубна; тунг. tegeigen „скамья в лодке, подстилка для сиденья“; тунг. hawa „работа,

проворный, дельный“, *hawāl-* „работать, двигаться“ (ср. кор. *ppa-* „быть расторопным, торопиться“) и т. д. В этом окончании элемент *-ga-* тождественен рассматривавшемуся выше, в § 66, монг. *-ga-* тюркск. *-g-*.

С помощью этих производных на *-l-* в монгольском языке образуются дальнейшие производные: форма совместности действия (кооператив) на *-lča* (ср. *-ča-*, § 83) и взаимности действия (реципрок) на *-ldu-*. Монгольскому глаголу на *-ldu-*, посредством которого *-l-* связывается с *-d-* ~ *-du-* (ср. § 80), соответствует в тунгусском языке глагол на *-ldi-*, в гольдском — на *-lži-*, в маньчжурском — на *-nži-*, например: монг. *daḡu-* „сжимать“, *daḡu-ča-* „проталкиваться“, *daḡu-lča-* „сжимать сообща, помогать сжимать“, *jabu-lča-* „идти сообща“, *baḡi-lča-* „помогать удерживать“, *baḡi-ldu-* „схватываться, бороться“; лам. *bak-* „находить“, *bakaldādaḡi* „чтобы они нашли друг друга“; гольд., лам. *ič-* „видеть“; лам. *ičildi-* „видеть друг друга, встречаться“, гольд. *ičelži-* (то же).

В качестве отыменного суффикс *-l-* в монгольском языке часто связан, пожалуй, с переходно-фактивным значением, например, монг. *taji-l-* „растворять, разлагать“, *taji-či-* „быстро разрывать“; *qaga-l-* „раскалывать в длину, разделять“, *qaga-ga-* „раскалываться, расщепляться“, *qaga-či-* „разом раскалываться“, *qagaḡ-qai* „надвое разорванный“; *tasu-l-* „ворчать на что-либо“, *tasu-či-* „(с ворчанием) вздрогнуть“, *tasu-ga-* „трескаться, разлетаться в куски“, *tasur, tasurqai* „сломанный, кусок“; *qiguḡ* „надвое, в сторону“, *qigu* „от“, *qigu-l-* „обламывать“, *qigu-či, qiguḡqai* „поперек, в поперечном направлении, обломок“ и т. д.¹⁵¹ Эти глаголы на *-l-* вообще передают значение процесса осуществления действия „как раз собираться сделать“, тогда как глаголы на *-či-* передают мгновенность осуществления действия, а на *-ga-*, в тунг. *-r-ga-*, — результат действия, ср., далее, монг. *žadal-* „распространять, обкладывать“, *žadači-* (< **žada-ti-*) — то же, *žadara* „растворяться, распускаться, разлагаться, распадаться“, *žada-ji-* (< **žada-gi-*) „лежать распростертым, быть открытым“ [др.-тюркск., уйг. *jad-*, алт., тат. *jai-* „распространять, расширять“, кор. *čat-čhi-* „распластать по земле“, *čakki-* (< **cat-ki-*) — то же, *čarra-ži-* (< **cat-ri-a-ti-*) „лежать распростертым“]; монг. *jaḡḡi-l-* „вязать“, *jaḡḡija* „узел“, тюркск. *jaḡul-* „запутываться, совершать ошибку“, *jaḡluq* „ошибка“; монг. *setel-* „зарубать, нарушать переднюю границу“, *seteči-* (то же), *setere-* „зазубриваться“, казах. *setik* „беззубый“. В монг. значение действия в процессе его осуществления: „как раз собираться сделать“, кажется, является более древним, чем специфика значения монгольской переходной формы (транзитива) или тюркского страдательного залога (пассива), ср. тюркск. *qu-l* „делать“, якут. *qu-n*, монг. *ki-*, тунг. *ke-* (то же), монг. *kilbuḡi* „деяние“¹⁵², тунг. *keḡu-* „хотеть сделать“. В отдельных случаях *-l-* представляет собой резко выраженный признак транзитива, например: монг. *sa'u-* „сидеть“, *sa'u-l-* „сажать, заставить сидеть“, *ba'u-* „спускаться“, *ba'u-l-* „спускаться, заставить спуститься“. Здесь

присутствуют, вероятно, гаплогогические формы, заменяющие *sa'u'u-l-*, **ba'u'u-l-*, окончанием же должно быть *-u-l-*.

Образованный при помощи суффикса *-ul-* (монг. *-gul-*, в разговорном языке *-ül-*, *-ül-*) монгольский фактив явно должен рассматриваться как переходная форма (транзитив) на *-l-*, произведенная от страдательной основы на *-bu-* > *-wu-*. Посредством суффикса понудительной формы *-ga-* образовалась основа на *-lga-* с более сильно выраженным оттенком понудительности, например: *žoba-* „страдать, мучиться“, фактив *žobaga-* (устаревшая форма), *žobaḡa-* (новообразование во многих диалектах), *žobagul-* (наиболее употребительная форма) „мучить, истязать“¹⁵³. Но этот фактив на *-gul-* > *-u-l-* может также возводиться к изначальному *-gul-* в том случае, если корейское окончание переходной формы *-gu-* (в сев.-кор. понудительная форма, например: *argu-*, *torgu-*, *jergu-* от *ar-* < *al-* „знать“, *tor-* < *tol-* „повертывать“, *jer-* < *jel-* „открывать“) представляется исконным, а не новым образованием по типу *-u-* ~ *-wu-*, ср. гольд. *alo-i-*, кор. *aro-* < *ala-wu-* „преподавать“, тунг. *ala-wu-* (то же).

Среди весьма немногочисленных корейских основообразующих суффиксов обнаруживается некий *-r-* ~ *-l-*, который, кажется, имеет страдательное значение, например: *uk-* „вдавливаться“, *ugire di-* „быть вдавливаемым“, **pus-* в *pusēkci* „обломок“, *pusire-kci* (то же), *pusē di-*, *pusire di-* „быть разбитым, разбиваться, разлагаться“. Это вторичное образование на *-l-* ближе всего, пожалуй, тюркскому страдательному залогу.

В тунгусском (а также и в южно-тунгусском, за исключением маньчжурского) с помощью *-l-*, *-il-* *-ili-* образуются инкоативные глаголы со значением „начинать делать“, например: *duki-l-* „начинать писать“, *tang-il-* „начинать считать“ и т. д. В основе этого суффикса лежит глагол *-ili-* „вставать, подниматься“, гольд. *ele-*, кор. *il-* (то же), который с течением времени свелся к функции окончания, ср. словообразующие суффиксы *-pa-* „пойти, чтобы сделать“ и *-di-* ~ *-ži-* „прийти, чтобы сделать“.

§ 82. Суффикс *-ni-*, тюркск. *-n-*

Тюркский возвратный глагол на *-n-* и монгольские глаголы на *-ni-* восходят к одному и тому же праязыковому типу словообразования. Его же мы находим и в тунгусских диалектах, где глаголы с вторичным *-ni-* не являются необычными, например: *ilte-* „проходить мимо“, *ilte-ni-* „истекать, миновать“ (ср. тюркск. *il* „перед“, монг. *ile* „ясно, перед глазами“); *ilbü-ni* „умирать с голоду“, ср. тюркск. *öl* „умирать“, монг. *ölüs* „голодать“; *silgi-ni-* „дрожать“, тюркск. *silk-silkin-* — то же (ср. монг. *silge-ge-*, калм. *silge* „отряхиваться“; тунг. *silgi-wki* „лихорадка“, кор. *siruk siruk ha-*, *silluk silluk ha-* „трясти“); гольд. *sarani-*, монг. *sarni-* „исчезать, рассеиваться“; монг. *žoba-ni-ja* „мучить себя“, *emgeni-je-* „тревожиться о чем-либо“ (ср. *emgeni-d-* „очень беспокоиться“, тюркск.

āngān- „страдать“, āngāk „мучение“); тюркск. ugup- „толкаться“, ugupiq- „(ненамеренно) толкаться, ушибаться“ (-n-uq < *-ni-gi); монг. qa-nija- „кашлять“, inija- „смеяться“. В монгольском языке мы находим такие производные образования, как -ni-gul-, -ni-ga-, -ni-ja-, -ni-ji-, которые ныне встречаются в виде -niŋ-, -niŋi-, -ni-, -niā-. Монгольское производное на -ḡaga-ni- > халх. -dḡaganī- > -dzāni- передает мгновенный характер действия: калм. su-zān-aktŋ „пожалуйста, присядьте (на минутку)“, тогда как монг. -ḡa-ga- обозначает множественность субъекта или действия: ire-ḡegḡ, калм. irtse-gā-ktŋ „пожалуйста, приходите все!“

В тунгусском языке имеются два типа словообразования, которые следует рассматривать как новообразования, осуществляемые с помощью этого суффикса -ni-. Один из них имеет в исходе -sini- и означает: „готовиться к чему-либо, намереваться, отправляться“, например: лам. ша- „убивать, умерщвлять (на охоте)“, шап-оп „я отправляюсь охотиться“, тунг. niŋe „отправляться по воду“, niŋe-sin-i-m „я отправился по воду“, ulu-mḡe „охотиться на белок“, ulumḡesinewi (<-sin-de-bu) „наши пошли (или собирались) на охоту за белками“, iḡem „я видел“, iḡesin-im- „я взглянул (вверх)“. Другим производным является фактитив на -w-kān-, -rkān-, -ugān-, -uwān- (все от < *-bu-ga-ni-) со значением „причинности действия“ (ср. -wkā-ii- как фактитивно-длительную форму): iḡewkēnim „я показывал, я заставил его (дал ему) смотреть“, ḡeriwkēnim „я заставил его сесть (я велел, я дал ему сесть)“, silḡiwkēt „трясти, приводить в состояние сотрясения“, silḡiwkēt- „трясти“ (длительно); лам. bak „находить“, baku- „быть разыскиваемым, находиться“, bakukan- „сделать, чтобы что-либо нашлось (предпринимать поиски чего-либо)“, bi bakukanom (-kanom < -kan-dom), „я приказал ему найти (это)“; негид. wa- „убивать“, wawkan- ~ wākan- „приказать, дать убить“ [wawkaḡi- „(непрестанно) заставлять, давать убивать.“]; гольд. iḡewen-imbi „я показывал“, iḡewen-irkin „показанный, показавший“, iḡewen-ḡi-ni „он посадил, он велел (дал) сидеть“.

Якутский язык образует страдательный залог посредством -l-un: siā-in- „быть съеденным“, тур., азерб. je-n-il- (то же).

Мы предполагаем, что возвратный -ni- первоначально являлся как отыменным, так и отглагольным суффиксом.

§ 83. Суффикс -ḡa-

Унаследованный монгольским языком из древности способ образования вторичных глаголов с помощью окончания -ḡa- является как отглагольным, так и отыменным. Который из них является более ранним, нам распознать не удастся, но оба типа имеют одно значение — либо взаимности, либо совместности действия (см. мою статью Verbstammbildungslehre, стр. 29). В тюркском монгольскому -ḡa-, как историко-фонетически, так и семантически соответствует вторичное образование на -ḡ-, чув. -ḡ-, однако здесь часто прихо-

дится спрашивать себя о том, не является ли данное образование заимствованием. В корейском же языке, наоборот, невозможно обнаружить эти образования, так как если эта форма когда-либо и существовала в корейском языке, то в соответствии с законами фонетики гласный должен был исчезнуть, а слогаобразующий -ḡ- должен был перейти в -l-. В монгольском языке -ḡa- примкнул к глагольной основе на -l-, и таким путем образовалась глагольная форма совместности действия (кооператив) на -lḡa-; осложнившись суффиксом -ganī- (ср. тунг. переходную форму на -w-kan, -w-kati), суффикс -ḡa- дал производные на -ḡaganī-, -ḡaga-. Примеры: гольд-маньч. aḡa- „согласовываться, подходить друг к другу“ (кор. ḡḡa- „согласовываться“, монг. a- „быть“); тунг. ilḡa- „плести“, ср. тунг. ilan „три“, монг. ilagu „поперечная деревянная перекладина управления“ (в технической терминологии); тунг. ḡḡeḡa- (mḡeḡa-, pḡeḡa-) „с кем-либо сражаться, побеждать“; тюркск. *ikiḡe- „сомневаться“, уйг. ikrḡgü „сомневающийся“ (< iki „два“); монг. daḡiḡa- „враждовать < daḡin „враг, война“, тюркск., уйг. jaḡuḡ- „враждовать с кем-либо“ < jaḡu „враг“, тат. jaḡ, чув. šu (то же); монг. daḡaḡa-, daḡalḡi- „следовать друг за другом“, может быть, тюркск. jaḡuḡ- „(к чему-либо) быть близким“, монг. daḡa-, калм. daḡḡ < daḡa „следовать“, тунг. daḡa-du „поблизости“, прилагательное daḡa-na „близкий“; монг. daḡuḡa „тесниться“, daḡu- „теснить, давить“, уйг. jaḡup „следующий день (завтра)“; монг. qurḡiḡa- „горячо желать, быть взволнованным“, монг. qurḡi-gulḡa- „быть взволнованным“, тюркск. qoz-ḡa-l- „быть тронутым“; монг. eḡiḡe „со страстным желанием (думать о чем-либо)“, eḡi- „желать, стремиться“, казах. etip- „стремиться, тосковать“; монг. ḡḡi- „стоять на другой стороне, держаться противоположного мнения“, монг. ḡḡiḡe-, маньч. ḡiḡe-, сол. ḡiḡ- „сопротивляться“; сол. ḡiḡi-, ḡiḡi- „находить противным“; монг. kūr- „достигать“, kūrḡe-, kūrḡe-, калм. kūrḡe- „быть достаточным, хватать, доставать“, калм. kūrḡe „довольно“, тюркск. kir- „входить“.

В тунгусских диалектах трудно различить, с чем сталкиваешься в этом -ḡi-: с изначальным -ti-, -si- или с -ḡa-. Так, например, гольд. hoḡaḡi- „все продолжать читать, читать (про себя, тихо)“ может представлять собой и *hoḡa-ḡa, а также и hoḡa-ti- или hoḡa-t-si-; ср., далее, например, лам. jū „выходить“, jūka „источник“ (< jūt-ke), jukat „быть на подъеме“, jukaḡin deleḡa (МА, VIII, 382) „восходящее солнце, восток“. Проведение же достоверного анализа может быть осуществлено лишь на основе более точных исследований в области гольдского глагола.

§ 84. Суффиксы -i-, -gi- и -u-, -gu-

В корейском языке эти четыре суффикса равноценны, и по значению формы на -i- и на -u- отличить друг от друга невозможно. Фонетически закономерно -i- и -u- встречаются после гласных, а -gi- и -gu- после согласных, причем послегласный -i-, -u- опирается

на выпадение интервокального звука -g-. В качестве заполнителя звония выступает обыкновенно i. Например: se- „стоять“, se-i-, ныне se- „стоять, ставить, ставиться“, se-u- (< se-i-u-) „ставить“; ai- „знать“, algi-, ныне āgi-, alli- „дать узнать, обучать, преподавать“, algu-, ныне aḡō-, allō-, сев.-кор. argu-, ср. голыд. aloi-, aloisi- > aloisi- „обучать“ к тунг. ala- „знать“, alagu-, alawu- „учить, изучать“, монг. alda- „стать известным“ в слове aldar „renommé“, „слава (известность)“¹⁶⁴.

Вторичный глагол, образованный при помощи этого окончания, имеет понудительно-фактитивное (переходное) значение в тех случаях, когда основной глагол является непереходным, и, наоборот, непереходное, если первичный глагол — переходный. В последнем случае появляется чаще всего и страдательное или „реверсивное“ („возвратное“) значение [„обманывать“ и „(самому или какому-либо третьему лицу) поддаться на обман, обмануться“]¹⁶⁵. Если допустить, что это свойство „обратности“ значения было искони присуще окончаниям -i-, -gi-, -u-, -gu-, тогда и -u- (кор. -u-, -ju-, тунг. -u-, -w-, -wu-) могло бы быть тождественным страдательному -bu-, а -i-, -gi- могло бы как-то соотноситься с тем -gi-, которое имеется в тюркских и монгольских чисто непереходных (как отыменных, так и отглагольных) глаголах.

В тунгусских диалектах в качестве глагольных окончаний можно найти как -i-, -gi-, так и -u-, -gu-, которые встречаются в одном и том же диалекте либо как производные образования от первичных глаголов, либо как самостоятельные элементы языка, например: ип „плавиться“ (непереходный), маньч. wen- (то же), тунг. ūḡi-, сол. ūḡi- „плавить“ (переходный); тунг. olgo- „засыхать“, olgi- „дать засохнуть, высушить“, сол. olgi (то же); монг. (h)arḡa- „быть открытым“, arḡaji- „появляться открытым, быть открытым“, сол. arḡi-, paḡi- „открывать, раскрывать (глаза, рот)“. Здесь, таким образом, непереходный первичный глагол с помощью окончания становится переходным, но бывают также обратные случаи, например: монг. sup- „растягиваться, быть растяжимым“, монг. suḡa- „растягивать“, сол. suḡi- „растягиваться“ и sup- „растягивать“, сол. abul- „недосчитываться чего-либо, не иметь“, abuli- „отсутствовать, быть отсутствующим“; тунгБ. iūle- „надеть (на себя) кольцо“ (кор. tūl-), фактитив tūlegi- „падевать (на лошадь хомут)“; тунг. poḡi-, сол. poḡi- „размножать, добавлять“ (ср. кор. pom-gi-, pam-gi- „добавлять“, пом-, пап- „размножаться“); тунг. buḡi- „падать“, buḡi- „валить, выпускать, ронять, терять“, сол. beḡi- „выпускать, освобождать“, лам. bāḡi- „терять“, кор. peḡi-, paḡi- „отпускать“ как вспомогательный глагол совершенного вида (употребляется со значением „полностью или до конца что-либо сделать“), тюркск. braq-, buḡaḡ-, якут. buḡaḡ- „выбрасывать“ (< buḡ- и aq-, маньч. faḡa- „бросать“). В тунгусских диалектах часто бывает невозможно распознать по звучанию, с чем мы имеем дело в глаголах этого типа: с -gu или же с -bu-, -wu-. Точно так же и в монгольском языке, уже на очень раннем этапе разви-

я произошло совпадение первоначальных -gu- и -bu-. В монгольском языке -gi- в положении после гласного дало -ji-, тогда как в тюркском его фонетическое развитие привело к -ik-, uq-, например: тюркск. jup- „сомкнуть (глаза, руки, губы)“, jupiq-, коман. ūpiq- „собираться“, jupūi „в совокупности, всё“, монг. žimi-ji- „быть сомкнутым (о глазах, о рте)“, žimi-ji (то же), žimi-gi- „сомкнутый“, тюркск. jupiq (то же), кор. čupu-si- „спать, почивать (о высокопоставленных особах)“ < *čup-ur-si- „держаться сомкнутыми (глаза)“, тюркск. jupurt, jupurtqa „яйцо“; др.-тюркск. taš „наружная сторона“, tašyq- > уйг., ср.-тюркск. čuq-, чув. tuḡ- < tulḡ- < talq), якут. taḡys- (< taḡyg < tašyq-) „восходить, выходить, ходить“, монг. tala-ji-, tali-ji-, калм. tali- „уходить, исчезать“. Монгольские прилагательные на -gi- являются, вероятно, причастием а -ḡ- от этих глаголов на -gi-. Рано отойдя от парадигмы, эти прилагательные не участвовали вместе с глаголом в развитии -gi- -ji-, которое имело место в системе глагола. В корейском языке, в особенности в тюркском, имеются прилагательные, которые производились от глаголов с помощью окончания -gin. Это окончание разбиралось уже выше, в § 71. Оно может рассматриваться как причастие на -n- от глагольных основ, имеющих в своем исходе -gi-, из чего, разумеется, не следует, что в настоящее время глаголы на -gi- можно легко обнаружить в языке, а следует лишь то, что суффикс -gi- стал в дальнейшем распространяться самостоятельно. Эти прилагательные образовывались в тюркском от первичной основы, в тунгусском же — в большинстве случаев от страдательной основы на -wu-, откуда и возникло тунгусское окончание -pkin > -kpin.

В моем исследовании „Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen“ (которое в иных вопросах уже несколько устарело) я представил суффиксы -gu- (-qu-) и -gi- как в корне различные. Поскольку гласный звук и в тюркском, и в корейском является в равной степени мало решающим, критерием может быть лишь монгольский язык, который, однако, также довольно часто бросает нас на произвол судьбы в тех случаях, когда необходимо определить первоначальный гласный. При этом следует принять во внимание, что в монгольском языке имеется к тому же и несколько глаголов на -g-, например: ila-, ilag- „побеждать, одержать победу“, qulug-, халх. ḡūlū- „воровать“, asag- (< hasag-), asagu-, халх. asū- „спрашивать“, сол. aḡū- < (h) asqu- (то же); монг. kiḡug- „пугаться“, калм. ḡog- „бояться“, монгНТ. qogog- или qogogo-, калм. ḡoggo- „пугаться“, тюркск. qoḡq-, qoḡuq- „бояться, пугаться“. Быть может, сюда же относится сол. deḡilug- „стать побежденным“ (< deḡil-, монг. deḡil- „побеждать“, ср. уйг. jāḡ- „побеждать“ < jāḡ-p- „быть лучшим“), если только это не случайное усечение слова deḡilugde-, монг. deḡilūḡde-. В монгольском языке страдательный залог образуется ныне с помощью окончания -gda-, которое, по всей вероятности, и является страдательным на -da- либо от некоей вторичной основы на -g- < -gi- ~ -gu-, либо, быть может, от имени на -q-.

Монгольское -ji- вообще обозначает состояние, вид или положение как глагольное действие, тюркское -уq- ~ -ik- — прежде всего становление и страдательно воспринимаемое изменение состояния, например: tat-уq „заржаветь“, bal-уq „подвергнуться ранению“ (ср. baš „рана“), bas-t-уq „затаптывать“, bir-ik- „объединяться“ монг. būri-ji- (то же).

§ 85. Суффикс -ga-. Понудительный глагол

Вторичный глагол на -ga- имеет в монгольском языке переходное или понудительное значение в том случае, если первичный глагол еще встречается с непереходным значением, например: бол „становиться“: bolga „заставить стать, сделать, создать“; гага „выходить“: garga- „выгонять“; кйг- „приходить, прибывать“: kūrge „доставлять, посылать“; бос- „вставать“: bosqa- „устанавливать, воздвигать“; жоба- „страдать“: jobaga-, калм. zowā- „мучить“ и т. п. Этот же суффикс может также удваиваться, например: bosqa-ga- > bosya- „заставить воздвигнуть“, kūrge-ge „велет доставить“ и т. д. В диалектах монгольского языка -ga- является наиболее употребительным и самым выразительным суффиксом понудительности, тогда как в других языках отдается предпочтение -lga-. Встречаются в монгольском языке, естественно, и такие глаголы на -ga-, от которых соответственный первичный глагол прослеживается только в других языках, например: монг. tašija (<*tati-ga-) „вкуснать“, тюркск. tat- „быть сладким“; монг. iḡu-ge- калм. jētā- „благословлять“ (<*hīrū-ge-, монгНТ. hīru'e-), маньч. hīu- „молиться“, тунг. hīu-l- „произносить заклинания (о шаманах)“ кор. pil-, сев.-кор. pīg- „молиться, просить, просить взаймы“ pīlī, pīlgu-, pīlgi-, сев.-кор. pīrgu-, pīrgi- „стать вымоленным (вы молить), дать взаймы“; монг. uḡija- (<*uḡi-ga-) „мыть“, ср. т. „вода“ в языке варваров Ну, согласно китайским источникам монг. usun „вода“, тунг., гольд. uāta „волна“; монг. žalga- „совершенствовать, удлинять“ < žalu-, ср. тунг., маньч. žalu- „быть полным“, žalu-w-ka-p „выполнять, наполнять“; монг. idqa- „отговаривать, удерживать“, ср. тюркск., уйг. uša-p- „избегать, остерегаться“ и т. д.

В соединении с основой на -l-, суффикс -ga- дает в монгольском языке обычный каузативный суффикс -lga-, например: sagu „сидеть“, sagul¹⁵⁶ „сажать“, sagulga- „сажать, заставить сесть“, калм. sulga-; bajilga- „заставить остаться, заставить стать“; калм. zowā- „истязать“, zowūl- (то же), zowālga-, zowūlga- „заставить истязать“, zowālg-ūl- „побуждать, чтоб стал мучим (истязуем)“ и т. д. Этот же суффикс применяется также и в тунгусском, причем, как в качестве компонента различных окончаний, так и сам по себе, например: dalga- „(что-либо) жечь“, сюда же относится и сол. dalgō- < dalga-wu- „сжигаться (стать сжигаемым)“, гольд. dalža-, ольч. dalža- > žalža- „что-либо жечь“, ср. кор. tal- „быть горячим, пылать“,

тюркск. jal-уn „пламя“. Очень обычен наш суффикс в тунгусских составных суффиксах -wkān- и -wkāt-, при помощи которых, как правило, образуется фактитив, например: негид. wa- „убивать“, wawkānī-, wafkānī- „велеть убить“; негид. huju- „вариться, кипятиться“, hujuwa-, hujuwkān- „варить“ (переходный); гольд. āsi- „спать“, asibu-, asiwu-, asiwū- „лечь спать“, asiwān- „уложить спать кого-либо“, asiwāsi- „усыплять“; гольд. gawā-či- „заставить пойти, указать дорогу“; лам. bak- „находить“, baku- „находиться“, bakikan- „приказать найти“ и т. п. В качестве компонентов в суффиксе -wkan- (~-ukan-, после назальных также -шikan-) мы имеем возвратный -n-, -nī-, а в суффиксе -wkat- — континуативный -t-. В диалектах тунгусского языка можно найти также слова, которые образованы, как в монгольском — посредством -lge- или как в корейском — посредством -lgi-, например: ну- „проживать, поселиться“, nulgi- ~ nulige- „(со всем имуществом) переселяться“, nukig- „(часто) переселяться, колебаться“, nuktu-ken- „побуждать к переселению“, nulgisin- „готовиться к перекочевке“, nulgi- „начать переселяться“, ср. монг. nūlge- „перевозить (дом)“ < монг. nū- (< negū); сол. eḡelgi-, eḡelgē- „гореть на солнце“, монг. ege-, калм. ē- „гореть (о солнце)“ (<*reg- ~ *rek-, ср. тунг. heku „горячий“, монг. ekši-). Соответственные составные суффиксы имеются также в монгольском языке: -čaga- и žaga-nī > -žān-, и в корейском: -ka-b- ~ -ke-b-; например: kikkeb- „быть веселым“ < kis-ke-w наряду с kis-ki-, kakka-b- „быть близким“ < kat-ka-w-, ср. тюркск. qat „рядом, возле“; так как в кор. -b- ~ -w- < -bu-, возможно, что корейское окончание тождественно тунгусскому -w-ka.

Поскольку в тюркском гласный звук во втором или третьем слоге уже на раннем этапе либо совсем исчезает, либо редуцируется, проследить наверняка суффикс -ga- невозможно. Быть может, активизировавшийся -q- ~ -k- является фонетически-закономерным проявлением этого -ga-, например: тюркск. jaq- „(что-либо) жечь“, ср. тюркск. jaп- „гореть“ (непереходный), чув. šup (то же), чув. šu-t- „(что-либо) сжигать“ < ja-t-; тюркск. jük- „грузить, нагружать“, ср. jū и jū-d- „брат на себя, нагружаться“; тюркск. *saq- > якут. аҕ- „считать“, тюркск. sa- „считать“, уйг. saq-уn- „думать“ > „вспоминать“, тюркск. saju, saju, якут. аҕу „каждый, все вместе (причитанные)“, sajuп > чув. -sən как окончание множественного числа. Наряду с этим в тюркском существует также отыменный суффикс -qa-, например: jarlyu-qa- „приказывать“, iḡinč-kā „соболезновать“ и т. п.

§ 86. Суффикс -ti-

В числе суффиксов, служащих для образования переходных глаголов, тюркский язык имеет еще суффикс -l- и произведенный от него -ti-. В монгольском языке ему соответствует суффикс -či-, который восходит к древнему -ti- (см. Verbstammbildungslehre, стр. 21). В тунгусском языке тоже существуют глагольные обра-

зования на -i-, передающие быстрый и эффективный характер действия, например, монг. öbči- „взрезать (шкуру при убое)“; тунг. hupči-~hupče- „вскрывать, оперировать“ (тунг.с. kōji- „зablуждаться“ >) тунг.с. kōji-či- „обмануть“.

В корейском языке -chi- (<-t'i-) употребителен как суффикс служащий для образования переходных глаголов, например: пер. „прибавляться, идти дальше“, монг. пеме- „прибавлять“, кор. пемче „приумножаться, прибавляться“, кор. пемчи- „перешагнуть (например, река „перешагнула“ берега)“; кор. тол- „вращаться“, толги-, толли толгу-, толчи-, „вращать, поворачивать“, тюркск. толуама „окружение, фланговое наступление“ (<монг. тол-га- „осаждать“); кор. соб- „бы узким“, сорчи-, сев.-кор. сорчи- „суживать“, уйг. жува „нежный тонкий“; кор. па- „выходить, уходить“, паи- „выдавать“, паичи- „прогонять, угонять“, сев.-кор. пачи- (то же); кор. тат- „замыкать“, татчи- сев.-кор. татчи „заставить замкнуть“ или „замкнуться“ (например, двери). Когда, как в последнем примере, основа имеет в исходе зубную клаузулу, в окончании -thi- вторичной основы, в силу фонетических законов, можно также усмотреть образование на -gi-; например: *tat-thi- или *tat-hi <*tat-gi-; кор. апч- „сидеть“, апчи- „сжать“, как и шак „отгораживать“, шакчи „становиться отгороженным, заставить отгородить“. Во всяком случае, мы располагаем достаточным количеством примеров для доказательства существования в древнем корейском языке образования на -thi-.

С другой стороны, трудно отличить с полной уверенностью суффикс -thi- от некоего случайного составного образования участием глагола -thi-, южно-кор. чи- „бить“, например: пем-ти „преступить“ („to transgress“ у Гэйля), южно-кор. пемчи-, ср. пеме-чи-, сев.-кор. пеме-чи- „перехлестывать (о волнах), переходить на другую сторону“ и т. д. Эти трудности могут быть, пожалуй, устранены, если мы возьмем на себя смелость допустить, что понудительный глагол на -ti- (кор. -thi-, монг. -či-, тюркск. -t-) следует возвести непосредственно к энклитическому использованию этого глагола. Это допущение дало бы объяснение и тому, почему окончание -ti- (кор. -thi-) всегда является лишь переходным, тогда как разбравшиеся выше -bu-, -gu-, -gi-, -i- в сущности, только возвратными, т. е. то понудительными, то страдательными. В пользу этого предположения говорит далее тот факт, что в монгольском языке большинство глаголов на -či- могут заключать в себе значение „бить“, например: қигул „обламывать“, қигуци- „насильно обламывать, разом разбивать“, қигу-га „разбивать“, балбал- „разбить вдребезги“, балбаци- „разбивать на куски“, балбага- „разбиться на части“; жаң-гил „завязывать“, жаңгичи „связывать, разбивать на узлы“, жаңгига- „запутываться“ и т. д.

§ 87. Суффикс -gi-~t-

Применяемый в монгольском языке понудительный залог (каузатив) на -t-, -gi-¹⁵⁷ тождественен по своему происхождению пону-

дительному залогу на -t-~z- в тюркском, например: монг. сам-уг- „перерывать, взбалтывать“, самуци- (то же), самуца- „быть в порядке“, самугу > саму „запутанный, спутанный“, тюркск. самуг- „перерывать, перепутывать“, лам. там- (то же); пидур- „бить кулаком“, пидуци-, пидул- (то же), пидулга „кулак“, тюркск., алт., тел. јудур-уқ, якут. сутур-ук (то же); монг. ос-ур, осу-чи-, осу-гле- „опрыскивать“, маньч. лусур- (то же); монг. улар- „сменяться“ (о временах года), маньч. ула- „передавать дальше“, тюркск. ула- „продолжаться“, улају „и, далее“, монг. улам „постепенно, все больше“, тур. улам „один за другим“, уйг. улаш- „быть взаимно связанными“, монг. улага „почтовые лошади, почтовая служба“, монг. кедур- „одевать“, кедурге „верхняя одежда“, др.-тюркск. кед-ур- „одевать“, кед-им „одежда“, монг. кезим „чепрак“, др.-тюркск. кед-, койб. кес-, тар. кая- „одеваться“; тюркск., монг. котур- „поднимать“, уйг. котар-, ср. монг. котул „холм“; др.-тюркск., уйг. олур-, чув. лар- (<šlar-), казах. олтур-, тат. улур- „сидеть, садиться“, ср. якут. олут „стул, сидение“, олү „место жительства, жилье“, монг. ол-бу-г „место оседлости“.

В тунгусском также встречается несколько глаголов на -ti-, -t-, например: баргуз. uwir-, сол. ugeri-, ueri-, тунг. uir, гольд. ugi-г- „поднимать“, ср. тунг. uile „сверху, на“, uiski „кверху“, кор. uigo „кверху“, и „возвышение“, u-n-ni- „верхние зубы“ (<*u-t-ni, к ni, i „зуб“, ср. тунг. i-kte, сол., iikte „зуб“), монг. öge-de „кверху“; гольд. ружур-, негид. һужур- „варить, кишятить“ (переходный), ср. гольд. ружиси-, негид. һужуси-, баргуз. һужу- „вариться, кишеть“ (непереходный), ср. монг. һју- (<*һјү-).

В тюркском, где эта форма встречается, кажется, чаще всего, существует также понудительный залог на -t-, образованный от вторичных основ на -t- (=монг. -či-), -d- (=монг. -d-) и -q- (=монг. -qu и -gi-). Поэтому мы и находим в тюркском в качестве живых окончаний как -tur- (с вариантами -tuz-, -tar-, и реже -taz-), так и -qur-, -qur-, -qar-, -qaz-. В чувашском языке -ar- и -tar- являются нормальными современными окончаниями понудительности (ср. Verbstammbildungslehre, стр. 23 —), тогда как -tur- употребляется исключительно в качестве окончания третьего лица повелительного наклонения („пусть он...“; см. § 129).

В корейском языке суффикс -ari-~eri- в качестве суффикса переходных глаголов идентичен тюркск. -ur-~uz-. Поскольку в позиции рядом с -chi- <-thi- он также дает каузативное окончание -theri- (пеме-theri-da == пеме-чи-da), он может быть приравнен к тюркск. -tur-~tuz- (ср. Kor. Gr., § 258).

§ 88. Изменение вида глаголов

Глагол, который сам по себе является непереходным, может при известных условиях выступать и как переходный, и наоборот. В некоторых случаях бывает совершенно невозможно установить разницу между переходным и непереходным глаголом, потому что

событие или действие может рассматриваться под различным углом зрения, например: монг. *šad-, šas-* „насыщаться“, *šad-qa* „(что-либо, кого-либо) насыщать“, могол. *šatqa-* „насыщаться“, вероятно по существу, „насыщать себя“ или „свой желудок насыщать“, причем представляется, что *šad-* уже является неким производным ср. кор. *šha-* „быть полным“; тюркск. *otur-* „сидеть, садиться, владеть, проживать, обитать“ < монг. *oḡi-*, ср. тюркск., монг. *oḡi* „место“. Точно так же и с применением образований интенсификатива, итератива и кооператива там, где они охарактеризованы в большинстве своем довольно нерегулярными грамматическими окончаниями, произвольно употребляемыми говорящей средой. Для выражения таких понятий, как, например, „бороться“, „сражаться“, „обещать“, более естественно использование образований общности действия или обоюдности действия, чем применение первичных глаголов. В тунгусских диалектах дальше других пошла в своем развитии система различных видов (аспектов), которая поэтому должна быть еще рассмотрена особо.

На того, кто занимается только европейскими языками, производит несколько странное впечатление тот факт, что в алтайских языках, и особенно в монгольском, от непереходного глагола имеются производные страдательного залога. Так, например, наряду с монг. *bi bolba* „я стал“ возможно существование и страдательной формы: *bi boldaba* „я был вынужден стать, я стал (против своей воли), случилось, что я стал, я — мне стало (со мною стало)“; *bi irsebe* „я пришел (т. е. по собственному побуждению)“, *bi iregdebei* „я пришел (случайно), я пришел (не по своему побуждению)“ = „мне пришлось прийти“ или „я к (множественному приходу (других) вынужден“¹⁵⁹, *bi iregülbei* „я заставил (кого-либо, что-либо) прийти, я заказал себе“, *bi iregülügdebei* „я вызван прийти (мне назначено, я назначен прийти)“, *bi irelčebebei* „я пришел с другими“, *bi irelčegülügdebei* „я был вызван прийти вместе с другими“ и т. д. Возможности различных основообразований в монгольском языке безграничны, но не особенно популярны. В одном диалекте фактически применяются какие-то определенные, теоретически всегда допустимые образования, другим — обращаются к каким-то иным, а потому единообразия в этом отношении не следует ожидать ни в языке древнемонгольского периода, ни в более позднем. Нет ничего удивительного поэтому в том, что в тюркских языках и диалектах фактивные образования столь разнообразны и последовательность различных суффиксов в комбинациях суффиксов имеет так много вариантов, например: тур. *je* „есть“, *jen, jenil-* „быть съедаемым (съедаться)“, но в якут. *siä-* „есть“, *siälin* „быть съедаемым (съедаться)“.

§ 89. Новообразования в тунгусском языке

Наиболее развитая система образования вторичных основ существует в тунгусском языке, который обладает чуть ли не бесчис-

ленными возможностями варьировать выражение разнообразных видов и залогов какого-либо действия. Однако способность эта не уходит своими корнями в „праалтайский язык“; по моим соображениям она является результатом длительного, постепенного и специфического развития. Это подтверждается, между прочим, и тем фактом, что современные диалекты находятся на различных ступенях того же процесса развития. При описании одного действия в его отношении к другому, с целью передачи их возможно более тесного контакта, в тунгусских языках, как, впрочем, и еще кое-где, применялась глагольная форма на *-a* (см. § 59, 3), но поскольку акцент неизменно падал на первый из глаголов, второй глагол в тунгусском языке оказался ослабленным до уровня суффикса. Можно привести бесчисленное количество аналогичных примеров и из корейского языка; истоки этого процесса взаимодействия двух глаголов, а часто и имен с глаголами, как нам кажется, следует искать в тунгусо-корейских языковых связях.

Новообразованными окончаниями такого характера являются:

а) *-pa-* (кор. *pa-* „выходить, происходить“, откуда *pā-i-* „выгонять, производить, выходить“), например: *iče-* „видеть“, тунг. *ičene-*, лам. *itna-* „идти поглядеть“; *hukla-* „спать“, лам. *hukla-d-pa-ḡoḡ* „я иду спать“ (*-d-* < *-d'a-*); *ša-* „убивать, охотиться“, лам. *ša-d-pa-ḡoḡ* „я иду охотиться“; *ga-* „брать, покупать“, негид. *wa-* „убивать“, *wa-pa-* „пойти убивать“; маньч. *žafa*, тунг. *žawa-*, кор. *šar-* „брать, братья за что-либо“, маньч. *žafapa-*, тунг. *žawapa-*, кор. *šaba pa-* „пойти, чтобы взять“; негид. *tegg-i-pa-kei* „пойди сядь“, *žawu-ša-pa-kei* „иди задержи“; негид. *žab-*, *žäb-* „есть“, *žäḡ-pa-ḡ* „я иду поесть“, *ḡup* „говорить“, *ḡup-pa-ḡ* „я иду сказать“, *ḡup-pa-ika-ḡe-ḡ* „я послал его (чтобы) сказать“ и т. д. (Мат. сол., стр. 121, § 48, *Verba finalia*; Захаров, Гр., § 133; *-pa-*, кажется, часто еще сохраняет свой гласный).

Тот же самый глагол (кор.) *pa-* „выходить, происходить, выступать вперед, производиться“, присоединенный к имени, дал в маньч., а также в гольд., ольч. и т. д. глаголы на *-pa-*, *-ḡe-* со значением „формироваться, образовываться“.

б) *-ži-* (в гольд. также *-di-*), ср. кор. *ši-*, после гласных *-ži-*, сев.-кор. и в более древнем языке *ti-* (после гласных *-di-* „приходить, становиться, получать“), например, маньч. *ga-ži-* „приносить, подносить“; маньч. (*ala-* „говорить“) *ala-p-ži-* „прийти сказать“, *alanžixa* (*alame žixe = žifi alaxa*) „он пришел и сказал; пришедши, он сказал“; *žafanži-* (древнее *žafame ži-*) „прийти (чтобы) взять“. Глагол *di-* в качестве самостоятельного глагола встречается в гольдском языке (*did-*, *žid-*, *dida-*, *žida-*), в маньчжурском (*ži-*), в ольче (*ži-*, *žid-*) в значении „приходить“ (тюркск. *ji-t-* „достигать, прибывать“), в северотунгусских он, однако, неизвестен, также здесь не засвидетельствованы и эти конструкции с *-di-*. В корейском языке также теперь уже едва ли *ti-~*di-* воспринимается как самостоятельный глагол, тогда как в качестве конечной части

конструкции он общепринят, например: *šaba ži-* „стать взятым“, *ugire ži-* „стать измятым“, *šappa ži-* „лежать распластанным“, *šappa-dim ha-* — то же (< *šad-p-a + di-m?*) и др.; к *di-* „приходить“ относится, быть может, монг. *žid-kü*, тюркск. *jit-*, чув. *šit-*.

в) *-mat-*, *-maš-*. Этот звуковой комплекс, воспринимаемый в настоящее время как окончание глаголов взаимности действия, тождественен корейскому глаголу *maš-* (*matta: maža: mažin*) „встречать, быть взаимным“, откуда, например, образуются *šappa-* „встречать, достигать“ [< *maš-pa-* „встречать друг друга (= встречаться)“, кор.-тунг. *pa-* „встречать“], *mat-pagan* „встречный ветер“, *masse-* „противостоять, быть равноценным“ (< *maš + sje-* „стоять“) и др. Тунгусские образования на *-mat-* имеют то же значение, что и унаследованные издревле в тунг. и монг. *-ldi-*, *-ldu-*, поэтому в глаголах, которые особо подчеркивают оттенок взаимности действия, существует также окончание *-mašildi-* (Mat. сол. стр. 121, § 47). Примеры: тунг. *dil* „голова“, *dilmat-* „один на один (голова против головы), дергать друг друга за волосы (вцепиться в волосы), сражаться, бороться“; тунг. *bele-* „помогать“, *bele-meč-* „помогать друг другу“; *ulgu-če-* „рассказывать“, *ulguče-mečkelu* „ведите с нами переговоры!“, *ulguče-mečildikellu* „давайте вести друг с другом переговоры!“, *aja* „хорошо“, *aja ro-* „хорошо смотреть (любить)“ > *ajaru-* „любить“, *ajaruldil-*, *ajaru-mašil-* „любить друг друга“, *ajarumašildi-l-la* „они стали любить друг друга“ (*-l-*, *-li-* „начинать“, см. ниже п. „е“); сол. *žawamašildi-* „схватившись друг с другом бороться (сражаться)“, лам. *māmat-* „убивать друг друга“, *härkä-mattaug* „хватайте друг друга!“, гольд. *iče-* „смотреть“, *iče-meči-* „рассматривать друг друга“, гольд. (при *p < b < m*) *aša-p-* „встречаться“, *ašaprači* „встречать друг друга“; гольд. *up-* (= тунг. *gup-*) „говорить, сказать“, *upreči-* „наговаривать (жаловаться) друг на друга“ и др. В гольдском имется глагол *bači-* „встречаться“, который, вероятно, идентичен корейскому *mat-*, *maš-*: *bačihafu* „мы — встретившиеся“ (= „добрый день, здравствуйте“). В ламутском языке, согласно Богоразу, форма „взаимности действия“ принята чаще на *-mat-*, чем на *-ldi-*.

г) *-mu-* (*-mū-*). Это окончание, которое принадлежит к наиболее архаическим образованиям такого типа, встречается в глаголах, выражающих волю или пожелание. К типу гольд. *opi-mu*, тунг. *up-mu-* „хотеть пить“ (*up-* „пить“), *kolī-mū-* — то же (лам. *kol-* „пить“), *ke-mu-* „хотеть сделать“, *ga-mu-* „хотеть взять“ приобщается монг. глагол *žemū-*, современный калм. *zōm-* „быть голодным“ — слово, которое является общим для всех тунгусских языков и диалектов: *že-mu-* „хотеть есть“, *žemup* „голод“, *žemū-kič* „голодный“. Подобным же образованием является и монг. *amū-* „покоиться, отдыхать“ = тунг. *ā-mu-* „хотеть спать“. В монгольских словах *že-mū-*, *a-mu-* можно было бы усматривать простой суффикс, но поскольку в монгольском языке существует древний глагол **mu-* (= тюркск. **mu-* в *up-* „надеяться“?), который в монгол. засвидетельствован в виде *mū-* „желать, хо-

теть“ (Monguor Dict., стр. 238), эти окончания можно считать либо заимствованиями из тунгусского, либо, как и тунгусские образцы, архаическими сложносоставными образованиями. Примеры: тунг. *duku-* „писать“, *duku-mu-m* „я хотел писать, я хочу писать“, *duku-na-mu-m* „я хотел пойти написать“; тунг. *up-mu-žam* „я хочу пить (у меня жажда)“, негид. *op-mu-m* (то же); *a-mu-m* „я хочу спать, у меня сонливость“; тунг. *inje-mu-rčē* „смехотворный“ (< „который действует так, что хочется смеяться“). Широко распространены в тунгусском языке составные суффиксы курсивного и инкоативного вида: *-mu-si-* и даже *-mu-sini-* „получить вкус к чему-либо“. например: гольд. *ope-mosi-* „захотеть пить“, *am-mosi-* „захотеть спать“; лам. *bakamš-opi* „я желал бы найти (мне захотелось найти)“, *dašamš-opi* „я хотел бы укутать“, *dašnamš-opi* „я хотел бы пойти укутать“, *išnamš-opi* „мне захотелось пойти посмотреть“; тунг. *emūšim genere* „я не хочу идти“ и др. Здесь же нужно упомянуть и тунгусскую форму желательности на *-mša* (< *mu-ša*) (Кастрэн, тунг., стр. 29), например *žarimšai* (там же, стр. 53) „я захотел поесть“, *omšai* „я захотел стать“ и т. д. Эта форма глагола, которая причисляется к формам наиболее употребительных глагольных основ, является, следовательно, прошедшим временем на *-ša-* от основы на *-mu-*.

д) *-ma-* (*-me-*). Это окончание особенно принято в отыменных глаголах при основах, семантически связанных с охотой, обозначающих „что-либо поймать“; быть может, оно соотносится с ламутским глаголом *ma-* „отправляться (идти) убить“. Очень возможно, что это тот же самый глагол, который в тунгусском языке звучит как *wā-* и, следовательно, должен был после имени на *-n* фонетически нормализоваться в виде *-ma-*, например: *ollo*, *oldo* „рыба“, *ollomo-* „рыбачить“; *ulu-ki* „белка“, *ulu-me-* „ловить белок“; *bejuu* „серна“, *bejume-* „убивать серну“ и др. От глагола этого типа образуется также имя на *-n* в значении „приученный к . . ., специализированный в . . .“, например, *bejuunen* „приученный к охоте на серну (охотничья собака)“, *ollomon* „рыбак, любитель рыбы“. Сюда же относится и гольд., ольч. *-masi-*, в котором элемент *-si-*, вероятно, тождествен инкоативному *-si-p-* в тунгусском языке, например, гольд. *gasā* „водоплавающая птица“, *gasamasi-* „охотиться на водоплавающих птиц“, *giu* „газель“, *giumesi-* „охотиться на газелей“ и т. д. (см. Петрова, стр. 15).

е) *-l-*, *-il-*, *-li-*. Во всех тунгусских диалектах существуют глаголы, которые произведены с помощью этого окончания от первичных основ; эти глаголы подчеркивают начинательный характер действия. Однако одновременно с ним тунгусский язык имеет еще и глагол *il-* (в прошедшем времени *ilša*) со значением „вставать, подниматься“ (ср. лам. *ilir* „крутой берег“), кор. *il-* (ныне употребителен уже только в виде *ige oda* „встать и прийти“, *ige pada* „встать и пойти“, *irjī-khi-*, *irjīk-khi-* „выставлять, устанавливать“), *pi-*, *pi-*. Этот глагол часто применяется таким образом, что значение „встать, чтобы . . .“ совпадает полностью со значением

„начинать“. Поэтому напрашивается мысль, что в окончании -li-, поскольку оно обозначает „начинать“, можно усмотреть энклитически употребленное -il- „встать, чтобы...“, например: dašal-d'om „я принялся (= начал) укутывать“, bakal-d'om „я начал находить негид. žāmulim „я захотел есть (я начал чувствовать себя голодным)“, žābulim, žārilim „я начал есть“, būl-deŋ „он стал умирать тунг. būpi-li-ŋ „я захотел дать, у меня появилось желание дать ср. ср.-тюркск. iglä- „болеть, быть больным“, igläi- „заболевать ж) -mei-. Это ламутское окончание глаголов, обозначающее „начинать испытывать к чему-либо внутреннюю склонность, что либо охотно делать“, возникло, вероятно, в результате стяжения глагола -mi- „желать“ и -il- „начинать“, например: bi bak meid'om „я готов искать“, bi härkāmeid'om „я готов понять и т. п. В соответствии с этим ламутское окончание -mei- является стяжением -mi-si-, где, таким образом, примета глагольной формы интенсивности (-si-) (Verbum intensivum) стоит после -mi- — окончания, выражающего желание, например: bakameiŋ „я хочу поискать“.

з) -šči-, -šti- — ламутское окончание глаголов, выражающее намерение или привычку, например: bakaščirom „я собираюсь поискать, я намерен поискать“, iniu-tikin žebiščirā-p „мы привыкли есть только свежесбитое (не падаль)“. Здесь наличие либо сочетание признака интенсива -si- с формой непрерывности действия на -ti-, либо сращение некоего глагола со значением „намереваться“ или „иметь склонность“ с предшествующим ему основным глаголом, ср. монг. sed- (< se-d-) „намереваться подумать“, sedülgen „намерение, расчет“, sed-ki- „думать, любить“.

и) -ža- (т. е. -жа- и -же) (Кастрэн, тунг., стр. 61: Verba continuativa). Основообразование на -ža- встречается во всех диалектах и играет в изменении глаголов особую важную роль, так как только с его помощью язык получает специфическую (прогрессивную) форму настоящего времени. Глагол в своей первичной форме имеет, как правило, внутриприсущее ему значение совершенности действия, т. е. он выражает действие кратковременно и раз навсегда завершенное. Этому „завершенному“ действию логически противостоит действие поступательное (прогрессив), поскольку оно, в представлении говорящего, как раз находится в состоянии движения вперед и, таким образом, остается и оставалось „незаконченным“. Следовательно, с помощью окончания -ža- в тунгусском языке образуются глаголы незаконченного действия (= несовершенного вида), например: om „я делаю I make“, ožam „I am making“; gupem „я говорю, я сказал, I say I said“, gupžem „I am saying“; enureŋ „он заболел, он был болен“ enuļen „он заболел“, enužeren „он болен, у него болит“, enužeren „у него разбалывается“; лам. gowgen „лаял“, gowadder „лает“ (> gowa-ž-re-n); лам. ittom „я вижу, я видел“, ičiddom „я смотрю, I am looking“; бакгом „я находил, я нашел“, bakaddom „я нахожу“; барг. ejeneren „течет, тѣк вниз по течению“, ejeneže-

ren „протекает (как раз в данный момент) вниз по течению“; тунг. Bac. geri-l-ten „стемнело (настала ночь)“, geri-l-že-ren „наступает ночь, темнеет“ (ср. кор. kirh- „быть глубоким“, kirhŋ rap „глубокая ночь“); bi, biši „есть (паходится)“, bižeren „проживает“, bižek „место проживания“ и др. Имя на -žak, которое обычно обозначает место действия, представляет собой имя на -k- (= имени на -q- в тюркском, см. выше § 66) от основы на -ža-: bu- „умирать“, bu-žek „могила“, baldi- „рождаться“, baldi-žak „место рождения“, baldi-kit (то же).

На вопрос о том, какого происхождения это тунгусское окончание -ža-, -že-, с полной уверенностью ответить трудно. Хотя в монгольском языке и имеется несколько образований на -ža-, например: boi- „становиться, стать единокорным“, boiža- „договариваться, назначать срок“, boižai, boižaga „срок, время, соглашение“, а также и итеративно-копulative глаголы на -iža-, gulža-, -bulža-, однако, поскольку -ža- встречается здесь только в позиции после -l-, а -ža-, встречающееся в именах, представляет собой лишь древний вариант -ča- (ср. монг. oi- „находить“, oiža „трофей“, sai- „разветвляться“, saiža „ветвь“ и т. п.), несомненно, что происхождение этого образования следует искать где-то в другом месте. По всей вероятности, правильное разрешение вопроса дает корейский глагол ča- „лежать, изволить, соизволить“ (ča-psi- — то же), которому этимологически соответствует тюркский jat- „лежать“.

В тюркском, в тех случаях, когда речь идет о непрерывно-поступательном развитии действия, в качестве вспомогательного глагола употребляется именно глагол jat-¹⁰⁰, например: койб. hola-čai „есть (является), становится“, bara-čai, bara-čatur „все идет и идет“, качк. perbin-žälär „они не дают“, surbin-žälär „они не спрашивают“, алт. bara-jatyr, туркм. bara-jar, тур. waju-jog „идет“, алт. birä-jatyr, туркм. birä-jar, тур. veri-jog „дает“ и т. д. Так же как в турецком языке -jog в функции окончания поступательного настоящего времени еще не подчиняется закону гармонии гласных, так и в тунгусском — окончание -ža-, -že- (как и -pa-, -pe-) появляется с гласным переднего ряда не во всех диалектах и не во всех словах, где этого нужно было бы ожидать; это показывает, что исконным гласным -ža- ~ -že- является -a-. Так, например, наряду с bi-žak употребляется bi-žek, наряду с bu-žak, bu-žek, ср. лам. it-paddom (< iče-pa-d'a-dom) „я иду посмотреть“, следовательно, не *iñä-.

Во всяком случае, употребление глагола -ža- после формы на -a- предшествующего ему основного глагола представляется очень древним, лам. bakaddom „я нахожу“ (< baka-ža-), ср. тюркск. baqa jatyr „он рассматривает“ („он смотрит“). Касаясь его значения, следует отметить, что между тюркским и тунгусским в этом отношении существует большое сходство: переход от понятия „лежать“ к понятию „как раз находится возле того“ (= „быть в состоянии осуществления действия“) в обоих язы-

ках одинаков, и к тому же, что, быть может, послужит разъяснением, глагол *ša-* в корейском языке значит „пользоваться, вкшать, есть, быть чем-либо занятым“ (*časi-da, čapsu-da < ča-psi*). Упомянутое выше тунг. *bi-žek* „могила“ могло сохранить свой элемент *-že-* в его первоначальном значении „лежать“.

к) *-ott-*, *-watt-* в ламутском языке. Здесь присутствует, вероятно, некое *-w-kaŋ-*, *-w-gat*, т. е. исконная форма непрерывности действия (континуатив); оно передает длительный или многократный характер действия, например: лам. *hawal-il-* „оказаться в движении (попасть в движение), начать двигаться“, *hawal-ilōtte* „он (все) переставляет (юрту)“ (МА, VIII, 376).

л) *-rgi-*, негид. *jgi-*, *-gi-*, *-jg-*. Этот засвидетельствованный только в южных диалектах тунгусского языка суффикс словообразования глаголов с значением „вновь, опять, вторично, обратно“ и т. п. соотносится как будто с монгольским глаголом *ergi-* „перевертывать, поворачивать“, например: негид. *bahaŋgi-* „находить вновь“ (*baha-* „находить“), *iŋgi-* „снова входить“ (*i-* „входить“), монг. *i-re-* „приходить“, кор. *iŋg-* „достигать, прибывать“, а *oŋgiŋen* „стало опять хорошо“ (< *o-rgi-re-n*), *gipnaŋgiŋen* „он пошел (-па-) опять, чтобы сказать“, *omigi-*, *omijgi-*, *omid-gi-* „возвращаться“ (< *em-i-rgi-*), *bujgičen* „он возвратил (отдал обратно)“ (< *bū* „давать“), *toysaŋgiŋe* „они бегут обратно“ (*toysa-* „бежать, бегать“, *tukse-*, а тунг. *tuksaki* „заяц“, кор. *thokki* „заяц“). Значение „опять (обратно)“ представляет собой развитие исконного, лежащего в основе локального представления „обратно, наоборот“, монг. *ergi-* „переворачивать“.

м) Маньч. *-ŋgi-* — окончание, обозначающее „отсылать, посылать“, область распространения которого ограничивается маньчжурским языком и некоторыми соседними диалектами; представляет собой результат довольно недавнего стяжения основного глагола с энклитически употребляемым глаголом *uŋgi-* „посылать“ тунг. *uŋ-* (то же), например *ga-* „получать, покупать“, *gaŋgi-* „(кого-либо) послать купить что-либо“; *ala-* „говорить“, *alabu-* „поручить сказать“, *alaŋgi-* „послать сказать“, *alabuŋgi-* „послать чтобы велеть сказать, велеть послать, чтобы сказать“ и т. п.

н) *-mut-*, *-mutč-*. Это окончание, обозначающее „замарать чем-либо, выпачкаться чем-либо“, идентично кор. глаголу *mut-* (Gale, 380 „to stick to, to stain, to soil“), например: (Василевич, Сл. I, 184) тунг. *šaŋpanmutči-* „закоптиться (= почернеть от дыма)“ (*šaŋpan* „дым“).

о) Тунг. *-tā-* в *mōtā-* „жечь дрова“, по своему происхождению тот же самый глагол, что и кор. *tha-* „жечь, гореть“.

п) Гольд. *-gelaj*, *-gilej* (настоящее время) и *-gelahan*, *-gilehen* (прошедшее время) „должен, вынужден“, например: *si tagelajsi* „ты должен сделать“, *mi tagelahambi* „я должен был сделать“ — восходит, быть может, к глаголу *gelejni* „нуждаться в чем-либо“ (Петрова, стр. 12).

р) Тунг. *-mi-*, суффикс со значением „(чем-либо) снабдить“, например: *hege* „нижнее, земля, подошва“, *hegmī-* „подшить подошвы“.

sen „игольное ушко“, *senmī-*, маньч. *seni-*, гольд. *sembi-* „продернуть нитку (сквозь игольное ушко)“.

Помимо этих приведенных выше сочетаний глагола в энклитическом употреблении с предшествующим ему глаголом, в которых происхождение суффикса еще возможно проследить, имеется много сочетаний, уже не поддающихся анализу. Из них следует назвать, например, гольдские глагольные основы на *-go-* ~ *-gu-* со значением „становиться, стать“ и „что-либо сделать вторично“, а также *-so-* ~ *-su-* „иметь привычку, делать что-либо непрестанно“, напр. *hola-* „читать“, *holago-* „перечитывать“; *boŋo* „осень“, *boŋogohani* „настала осень“ (ср. тунг. *ŋenū-hin-i-m* „я возвратился (пришел вторично)“ < *ŋene-* „идти“ + *o-* „приходить“); *holandahambi* „я ходил (-нда- < -n-па-), чтобы читать“, *holandasohambi* „я часто ходил (туда) читать“, *holandasožambi* „я еще хожу (туда) читать“.

Как вообще во всех языках с богато развитыми морфологией и словообразованием, так же и здесь, в алтайских языках, часто бывает невозможно различить, где мы имеем дело с отглагольным, а где с отыменным образованием глагольной основы¹⁶¹. Фонетические стяжения и усечения привели к тому, что шаблоны словообразования, служившие некогда для образования отглагольных производных, стали прилагаться и к именным производящим основам, и наоборот.

Тот же характер, что и вышеприведенные сложносоставные образования из имени или глагола и из глагола-энклитики, носит глагольное образование на *-ta-* или *-t-* (Богораз, стр. 48) в тунгусском и ламутском языках: *bi iwand'a-č akantarom* „в Иване я имел старшего брата, Иван мне за старшего брата“, тунг. (Mat. эв. ф., 189) *isalžitin mūrūčentene, silūktalžitin ūsītene, žagalžitin orontono* „из ваших глаз мне (я себе) круглые корзины делающий (сделаю), из ваших (их) кишек мне построжки (ремни, упряжь) делающий, из вашего (их) позвоночника мне оленя делающий“; *orontožokol* „возьми оленя!“; гольд. *-ta-* или *ta-* (Грубе, стр. 72): *joan wo deduli prokok tara* „они чтут Иоана, как пророка“ или „почитая Иоана, имеют они в нем пророка“. Здесь кроется глагол *ta-* „получить себе, присвоить себе“, кор. **ta-* в *tāgo* „дай мне!“, собственно: „(я) получающий“, и *tālla go hađa, tāllāda* „требовать, вымаливать“, букв. „говорить: «я хочу получить»“.

§ 90. Глагол *se-*

Выше, в § 67, уже упоминался тунгусский формант *-sse-* „пытаться (что-либо сделать)“ как сочетание из *-s* и глагола *se-*. Этот глагол *se-* в маньчжурском языке встречается как самостоятельный глагол в значении „говорить, полагать, делать“ и является там своего рода „универсальным глаголом“ (*Verbum universale*) в еще более широком смысле, чем немецкий *tun* или английский *to do*. Этому *se-* соответствует в корейском языке

столь разносторонне применяемый *ha-da* ~ (~ диалектный *he- < se-*). Тюркско-монгольский отыменный глагол на *-sa-* (*-sä-*) „что-либо любить, охотно иметь“ дает представленис, по всей вероятности, лишь об одном из многочисленных прежних словоупотреблений этого глагола. В тюркском более древнего периода (уйг., ср. тюркск.) засвидетельствовано много примеров образования глагольных основ на *-sa-~ -sä-* (< **-usa-* ~ **-üsä-*) и *-yusa-~ -igsä-*¹⁶². Махмуд Кашгарский приводит множество слов этого типа, например: *kälsä-* „хотеть прийти“, *käligsä* (то же) (*kälig* „приход, наступление“), *sürsä-* „хотеть прогнать (охотно прогнать)“, *uṣsa-* „хотеть (охотно) побить“, *satsa-* „хотеть продать“ и др. Понимать это образование надо следующим образом: первоначально самостоятельный глагол *sä-* энклитически присоединяется к глагольным формам на *-у* и на *-и, -а* (§ 59), т. е. глагольная основа, предшествовавшая этому *-sä-*, воспринималась сначала как имя. Разумеется, можно было и глагол *sä-* рассматривать тоже как непосредственно слившийся с глагольной основой, которая одновременно представляет собой и форму повелительного наклонения, например: *kälsä-* „хотеть прийти“ < *kälü-sä-* „приходящим считать“ или *käl sä-* „думать: приди!“ Легко понять, что имя на *-yü~ -ig* оказалось связанным с этим глаголом: *kälig* „приход“, *käligsä-* „желать прихода, думать прийти“, *tatyū* „вкус, удовольствие“, *tatyūsa-* „желать удовольствия (насладиться)“, карагач. *köriksä-* „хотеть видеть“, *paḡuṣsa-* „хотеть пойти“; ср. *jaḡ* „жир“, *jaḡsa-* „желать себе жира“, *äv* „дом“, *ävsä* „тосковать по дому“ *ävsät-* „вызывать тоску по дому“ (> тат. *üjsät-*); монг. *ger* „дом“, *gerse-* „любить свой домашний очаг“, *gerseg* „домашний очаг (у очажка)“, *gergeseg* „любитель женщин“, *keregse* „нуждаться в чем-либо“ или „быть нужным“, *keregsel* „принадлежности, орудия“, *else-* „заключить мир, покориться“, ср.-тюркск. *usa-* „испытывать жажду, хотеть воды“ (монг. *u-sun* „вода“, гольд. *uwata*, тунг. *üce* „волна“, хунн. *u* < **wu* „вода“), *suṣsa-*, тат. *susa-* (то же).

Глагол **se-* (> *sä- ~ sa-*) в энклитическом употреблении уже в тюркском языке более древнего периода в качестве производной формы сделался однородным целым. Возможно, что древнетюркско-уйгурское условное или сослагательное наклонение на *-sar* является не чем иным, как причастием на *-r-* от этой второбразной глагольной основы¹⁶³; таким образом, *kälsär män* „если я приду, если бы я пришел“, *ölsär sän*, „если ты умрешь“, *igläsär* „если он заболит“ следовало бы толковать, как „прийти-говорящий я“, „умереть-полагающий ты“, „заболеть-полагающий, заболит-говорящий“ и т. п. (см. подробнее § 64 и мою статью „Zum türkischen Konditional“).

Тот же глагол **se-* должен был употребляться в своем исконном значении и в тех случаях, когда он в виде *se-* в тунгусском языке и в виде *ha-* в корейском языке образует ономапоэтические глагольные обороты, например: тунг. *čikise-* „чирикать, стрекотать“ (< тунг. *čiki*, тюркск. *tiki* „чирикающий звук, чири-

канье, пиликанье“, тунг. *čikilen* „скрипка“, ср.-тюркск. *tikilä-* „жужжать“, *čäṣuse-* „трещать“ (< тунг. *čäṣu* „трах!“); кор. *sugin sugin ha-* „шепаться, шушукаться“ и т. д. (см. статью „Über onomatopoeische Wörter in den altaischen Sprachen“, VA, стр. 106, а также Кор. Gr., стр. 170).

§ 91. Инкорпорирование вспомогательного глагола в монгольском языке

Когда в монгольском языке за соединительным деепричастием на *-ṣu* (произносится *-ṣi*) следовал глагол *bai-* „быть, пребывать“, он, в соответствии с законами фонетики, давал *-wäi- > -wä- > -ai- > -ā- ~ -ā-*, а все в целом ныне произносится в калмыкском как *-ṣäi-*, *-ṣä-*, например: *jabuṣu bajina* „идет (ходит)“ > калм. *jow-džän*, *ireṣü bajina* > калм. *irdžän* и т. д. Это принятое ныне во многих монгольских диалектах образование прогрессива, вполне сходное по своему звучанию с тунгусским *-ṣa- ~ -ṣä-*, этимологически не имеет с ним ничего общего (у Котвича иначе).

В монгольском существует также глагол *orki-*, монгНТ. *o'orki-*, бурят., калм. *oki-* „бросать, отпускать, выбрасывать прочь“, который, примененный вслед за деепричастием на *-ṣu*, дал *-čk-*, халх. *-čḡ-*, южно-монг. *-č-*, например: *bičiču orki-* „дописать до конца, раз навсегда дописать“, калм. *bičičk'wä* „закончил писать“, *uṣu orkilugai*, калм. *üčk'lä*, *üčk'lä* „уже выпил (это)“; халх. *üčüilä*, *üčüilä*. Возникшее таким путем в различных диалектах монгольского языка перфективное „окончание“ *-č-*, *-čk-* (особенно в халх. и вост.-монг.) следует, разумеется, отличать от древнего суффикса фактитива *-či-* (< **-ti-*): здесь решающим является калмыцкий *-čk-*¹⁶⁴. Тот же вспомогательный глагол встречается еще в халх. *alāwḡ* „убей!“ < *alagad orki*, шхедүэдž „умер“ < *üküged orkiṣu* и т. д.

Встречаются еще и другие стяжения глагола, ставшего в монгольском языке безударным, которые являются довольно поздними по происхождению и потому легко распознаются, например: *jabuṣ ge-*, ныне калм. *jowḡgä-* „идти сказать, думать пойти, (я) говорю: «(я) иду»“, *jowḡgäžätim* „когда я как раз собирался (собираюсь) приготовиться пойти“, *ulas ge-*, ныне калм. *ul'skə-* „отсвечивать красным“, *ul'skəṣü nüdn* „покрасневший глаз“ (ср.-тюркск. *ulas köz* — то же), *sa'us ge-*, ныне калм. *süsgä-* (*süskə-*) „хотеть сесть“. Окончания *-ḡgä-* и *-skə-* встречаются, таким образом, в отдельных языках и представляют собой результат длительного развития.

§ 92. Инкорпорированный глагол как основообразующий суффикс в тюркских языках

В тюркском имеется несколько случаев, когда глагол в позиции после какой-либо формы другого глагола ослабляется до положения окончания. Одним из наиболее архаичных, но не засви-

В корейском языке имеется ряд глаголов, стоящих на грани между самостоятельными словами и окончаниями, относящимися к предшествующему слову. Таким образом, их употребление сильно напоминает применение подобных глаголов в тунгусском языке, где, как мы видели выше, многие окончания, являющиеся ныне глаголообразующими, первоначально сами были глаголами (§ 89).

Таковыми являются, прежде всего, глаголы *i-* „быть“, *isi-* „существовать“ и *ha-* „делать, намереваться, полагать“, которые и создали нынешние формы спряжения: *roa itta* < *roatta* „has seen, to have seen“, *podī iwu* > *rožio* „увидит, пожалуй“, *rogetta* „will see“ и т. д. (подробнее см. Кор. Gr., § 129). Сюда же относятся, далее, глаголы *thi-*, южно-кор. *čhi-* „бить“ и *ti-*, южно-кор. *či-* (< *di-*, южно-кор. *ži-*) „становиться, devenir“. Оба эти глагола дополняют друг друга тем, что посредством *čhi-* образуется переходная форма любого глагола, а посредством *ži-* соответствующая переходная форма, например: *kiul-*, *kiur-* „гнуть“, *kiure-čhi-* „(что-либо) сгибать“, *kuilčhi-* (то же), *kiure-ži-* „быть сгибаемым (постепенно) сгибаться“; *pusē-čhi-* „обламывать“, *pusire-čhi-* (= *pusiri-*) „обламывать“, *pusire-ži-* „разламываться, распадаться“. Выше, в § 86, указывалось на возможность существования взаимосвязи между глаголом *thi-* „бить“ и окончанием *-thi-* переходных глаголов. Глагол *ti-* „становиться“, исконный *di-* (ср. тунг. *di-*, гольд., маньч. *ži-* „приходить“, так же как и монг. *žid-kü* „стремиться, добиваться чего-либо“, тюркск. *jit-*, *jet-*, чув. *šit-* „достигать чего-либо, прибывать, совершаться“), также мог породить окончание *-di-* „стать чем-либо“ (ср. монг. *bajaži-* „стать богатым“, *amži-* „прибыть в добрый час“, др.-тюркск. *jeged-* „улучшаться, побеждать“).

Дальнейшее рассмотрение подобных возможностей толкования происхождения основообразующих суффиксов может увести нас слишком далеко, а порой, возможно, и по ложному пути.

Б. ОТЫМЕННЫЕ ОСНОВЫ ГЛАГОЛОВ

§ 94. Взаимоотношения глагола и имени

Так же, как в индоевропейских и семитических языках, в языках алтайской группы никак нельзя признать приоритета глагола над именем, т. е. имя а priori не является образованным от глагольной основы. Однако довольно часто случается, что некий глагол и некое соответствующее ему имя фонетически настолько близки, что, кажется, имеют одну и ту же основу. И несмотря на это, было бы ошибочным утверждать, что для имен может быть правомочной глагольная флексия, или наоборот. Обыкновенно такие слова принадлежат к настолько

детельствованных еще в других языках явлений представляет агглютинативное сочетание имени на *-m* с вспомогательным глаголом *-e*, *er-* „быть, оставаться“, служащее для образования современной отрицательной формы спряжения (см. § 58). Начальный этап этого развития наблюдался уже в дотюркский период, поскольку это явление в вполне развитом виде встречается также в чувашском языке.

Примером, относящимся к более позднему времени, является сочетание (уйг.) глагола *u-* „мочь“, якут. *uj-* „выдерживать, выносить“, ср. уйг. *uṣap* „всемогущий, бог“ (тюркск. *u-* = маньч. *o-* кор. *o-*), с деепричастием на *-a* (~ *-u*), например: *bara-u-*, *baru-* стяженное *baru-* „мочь идти“, *baruša-* „не мочь идти“ (*bardi* „ошел“, *baruša-* „он не шел“, *barudi* „он мог идти“, *baruša-* „он не мог идти“); *jeju-u-*, *jeju-* (или *jeju-*) „мочь есть“, уйг. *jeju-* „он ел“, *jejuša-* „он не ел“, *jejudi*, *jejudi* „он мог есть“, *jejuša-* „он не мог есть“ и т. д. В чагатайском имеется еще довольно много примеров этого основообразования на *-u* и *-i*, возникшего тем же путем. В чувашском языке также имеются глагольные формы, в которых значение „мочь“ выражено с помощью узкого гласного, являющегося, так сказать, вторичным и несомненно, восходящего к *-u* „мочь“, например: *ijmēgēš* „я не брал“, *ijmēgēš* „я не мог взять“, *puļ* (*puļij*) „могущий стать“ (< *bolu-ūju*).

Третий пример мы находим в применении глагола *al-* „брать“ в значении „мочь“, причем предшествующий ему глагол имеет форму на *-a*; например: тат. *bardu* „пошел“, *baruša-* „не пошел“, (*bara-aldy*), *baraldy* „он смог пойти“, „он действительно пошел“, *baruša-* „он не смог пойти“; *birdi* „он дал“, *biruša-* „он не дал“, (*bir-aldy*), *biraldy* „он мог дать“, (*bir-almady*), *biruša-* „он не мог дать“. В зап.-тюркск. *-l-* продолжает присутствовать, и это показывает нам, что исконным здесь является глагол *al-* в южнотюркских же этот согласный, наоборот, исчез, и глагол возможности выражен поэтому через *-a-*, *-ä-*, например: тур. *sev-* *mek* „любить“, *sevme-* *mek* „не любить“, *sevme-* *mek* „мочь любить“, *sevme-* *mek* „не мочь любить“; *varmaq* „идти“, *varuša-* *maq* „не идти“, *varuša-* *maq* „мочь идти“, *varuša-* *maq* „не мочь идти“ (= тат. *bara-* *maq*).

В тюркских языках имеется еще ряд случаев подобного инкорпорирования; наибольшего внимания здесь заслуживает, пожалуй, глагол *ja-* „спать, лежать, присутствовать, находиться“ и т. д., рассматривавшийся уже выше, в § 89, и. Остальные принадлежащие к этой категории глаголы встречаются и еще кое-где, но в большинстве случаев как самостоятельные и понятные; только в диалектном употреблении они выступают в настолько стяженном или искаженном виде, что представляются равноценными основообразующим окончаниям.

древнему языковому наследию, что их исконные словообразовательные элементы или суффиксы ныне уже не поддаются анализу. Ясно также, что имя и глагол, если они являются носителями одной и той же идеи, могут фонетически оказывать взаимное воздействие, например: нем. *wurzeln* ~ *Wurzelblüten* ~ *Blitz*, *regnen* ~ *Regen* и т. д.; ср. также конверсии в английском языке. Подобные примеры в алтайских языках должны бы либо принадлежать к наиболее архаическому словарному достоянию, либо иметь основанием чисто случайное совпадение. Таким образом, считается, что, как правило, глагол и имя фонетически отличаются друг от друга и что один из них обязательно охарактеризован суффиксом.

Противоположностью им являются новообразования, которые возникают следующим путем: некий глагол, тесно примыкая к некоему предшествующему имени, настолько утрачивает свое собственное ударение, что сочетание в целом представляется уже единым словом (либо как таковое воспринимается); таким образом, присоединенный глагол перестает быть „живым“ и становится суффиксом. Примерами такого рода являются: кор. *па-* „уходить, выходить, образовываться, возникать, происходить“, по маньч. *шпаха* „червь“, маньч. *шпаха-па-* „зачервиветь“; кор. *тащ-* „встречать, встречаться, совпадать“, но тунг. *dil* „голова“, *dilmaщ-*, сол. *dilmaši-* „попасть друг другу в голову, ссориться“; тунг. *heкke-* „слово, речь“, *heкke-тещ-* „обсуждать, спорить“, тунг. *ilgür* „рассказ“, *ilgüщe-*, *ilgüщeni-* „рассказывать“, *ilgüтещи*, *ilgüщетещи* „вести переговоры“, кор. *ил* „подниматься, готовиться к чему-либо“, тунг. *или-* (то же); тунг. *иманда*, *иманна* „снег“, *имандаллан*, *иманпаллан* „пошел снег“; тунг. *edin*, маньч. *edin* „ветер“, тунг. *edinilleп* „поднялся ветер, начало дуть (о ветре)“, маньч. *edinembi* (< *edin па-*) „становиться ветренным (о погоде)“, тунг. *edinžeren* „ветер веет“ (-žeren, основа -že- < -ža-, кор. *ща-*, тюркск. *ja-t-*, см. § 89, и); маньч. *болго* „голова, почка, бутон“, *болгопо-* „пускать почки“, *асха* „крыло“, *асхана-* „окрыляться“; кор. *шид-* „прилипать, приставать“, *mutchi-* „замарать, запачкать“, тунг. *сап-пан* „дым, сажа (копоть)“, *саппанутчи-* „закоптиться, покрыться копотью“; *пoh-* „велеть уйти“, *чhong* „ружье“, *чhong-пoh-* „сбить выстрелом“; маньч. *талип* „молния“, маньч., тунг. *талиппи*, *талипи* „блистать (о молнии)“; монг. **ши-* „хотеть“ (монгол. *шō-*), тунг. *ise-* „плевать“, *iseri* „плевок“, *iserimüžeren* „испытывать позыв к рвоте, чувствовать недомогание“.

Между этими альтернативами лежит обширное поле разнообразных возможностей, которые допускают применение окончаний с собственным значением. При наличии большого разнообразия окончаний между ними возможен, разумеется, выбор. Однако часто представляется затруднительным установить границы области применения тех или иных суффиксов. Легко заметить, что каким-то суффиксам отдается предпочтение перед более древними окончаниями, т. е. непрерывно происходит процесс образо-

вания новых суффиксов, или процесс „упрощения“, в результате которого известные более древние типы основ оказываются постепенно вытесненными или забытыми, а широко принятым и употребительным становится какой-нибудь новый тип. По мере все более широкого распространения некоего типа становится все труднее выяснить его происхождение и уточнить специфику значения, исконно присущего данному окончанию. Различные языки непрерывно развивают свои собственные типы основообразования, от которых другие языки и диалекты отклоняются. Если принять во внимание все эти факты, то нельзя будет ожидать, что в обширной области алтайских языков обнаружится особенно много отыменных глаголов, у которых и производящая основа (т. е. лежащее в основе их имя) и окончание (т. е. суффикс или сведшийся к суффиксу глагол) сохранили бы свой первоначальный вид и к тому же легко поддавались бы анализу.

§ 95. Отыменные суффиксы образования глагольных основ

Тюркские, монгольские и тунгусские языки вполне совпадают друг с другом в своих отыменных глагольных производных образованиях; в противоположность им корейский язык довольно беден и отыменными производными образованиями, и отглагольными. Из большого числа относящихся сюда окончаний отберем лишь следующие:

а) *-l-*: монг. *taji-l-* „освобождать, растягивать“ (*taji-га-* „освобождаться“); монг. *sugu-l-* „выдергивать“ (*sugu-га-* „выпадать“, *sugu* „из внутренней части паружу“); тунг. *hawa-l-* „работать, быть подвижным“ (*hawa* „работа, двигающийся“); тунг. *degi-l-* „летать“ (*degi* „птица“); тунг. *пана-l-* „становиться теплым“ (*пана* „теплый“), *пана-l-gi* „греть“; тунг. *heкu-l-* „становиться горячим“ (*heкu* „горячий“), *heкulбу-*, *heкulgi* „растопливать (печь)“; тунг. *daga-l-* „приближаться“ (*daga* „близкий“); тунг. *teкe-l-* „разрывать“ (*teкe-rge* „разорваться в куски“); монг. *öte-l-* „стариться“ (*ötegi* „старец“), чув. *varð-l-* „стариться“ (*varð* „старый“), тунг. *utu* „ста-рос, пошопенное, древность“; тунг. *osi-l-gā* „отмечать следы“, *osi-l-* „оставлять после себя следы“ (*osi-kta* „лапа, когти, копыто“).

б) *-la-*: тунг. *ши-le-* „ходить по воду“ (*ши* „вода“, кор. *шил* „вода“), *шō-la* „ходить по дрова“ (*шō* „дрова“, *шodun* „дрова, дрова“); *daw-la-* „петь“ (*daw* „тон, звук“), монг. *dagu-la-* — то же (монг. *dagun*, калм. *dün* „голос, песнь“); тунг. *huku-le-*, *huk-le-* „лежать, спать“; тунг. *buse-le-* „опоясываться“ (*buse* „пояс“), монг. *büse-le-* (то же). В тунгусских диалектах, области распространения которых граничат с областью монгольских языков (маньч., гольд., ороц., сол.), глаголов на *-la-* очень много, зачастую они являются даже прямыми заимствованиями из монгольского языка.

Как в тюркском, так и в монгольском именно эти глаголы на *-la-* и являются наиболее употребительными, в особенности этот тип

образования распространен в тюркском (см. *Verbstammbildungslehre*, § 98—). Среди глагольных имен имеются различные имена, которые преобразуются в глаголы с помощью того же *-la-*, например: калм. *dad-* „привыкать“, *dadmag-la-* „хотеть упражняться, практиковаться“, *dadag-la* (то же), ср. с этим же якутские глаголы *na-baḡ-tā-* < *maḡ-la-* (Ястремский, § 145), а также тунгусские глаголы *-gla-* (Кастрэн, тунг., § 107, 4): монг. *ölüg-le-* „голодать“ (*ölüs-* „голодать“); тунг. *bugle-* „прихварывать“ (*bu-* „умирать“), монг. *ösüg-le-* „опрыскивать, забрызгивать“ (*ösür-* „брызгать“). В монгольском языке морфема *-ng-la* в результате ассимиляции дала *-ḡ-na-* (в зап.-монг.), которая в вост.-монг. и халх. в результате ранней диссимиляции вновь превратилась в *-gna-* > *-gīna-*, откуда тув. *gūna-*; в тюркском же, напротив, *-ḡ-la-* приняло измененную форму *-ḡda-*. В сев.-тюркск. зачастую трудно бывает отличить глагол на *-la-* от глагола на *-da-*, ибо в результате фонетического развития какой бы то ни было критерий оказался утраченным.

Из глагольных форм, осложненных морфемой *-la-*, должно быть особо упомянуто деепричастие на *-n-*. В результате действия законов фонетики звук *-n* здесь выпадает и поэтому вторичный глагол кажется отглагольным; монг. *pojaḡ* „государь (князь)“, *pojala-* „княжить“, *qurduḡ* „быстрый“ (маньч. *ḡudur*), *qurduḡla-* „торопиться“ (> тюркск. *qurtla-*) и т. д., ср. с *daḡu-* „сжимать, следовать друг за другом“, *daḡuḡ* „друг за другом“, *daḡu-la-* „давать одному за другим“, *muški-* „выкручивать, выжимать“, *muškiḡ* „вращая, выкручивая“, *muškila-* „длительно выкручивать“. С подобным явлением мы встречаемся также и в тюркском, причем здесь производящей основой для глагола на *-la-* часто являлось деепричастие на *-a*, *-u*, а окончание *-a*, *-u*, попав в безударное положение, со временем исчезло; ср. тюркск. *at-* „бросать“, *atla-* (< *aty-la-*, *atu-la-*) „побрасывать, разбрасывать“, *qys-* „сжимать“, чаг., коман. *qys-la-*, алт., койб. *qys-ta* (< *qysy-la-*, *qysa-la-*) „длительно сжимать, прессовать“, *sa-* „считать“, *saju* „считая, каждый“, *saju-la-*, *saila-* „выбирать“ и т. п. От ономотопозитических глаголов раньше глаголы производились с помощью окончаний: в монг. *-kiḡa-*, в тюркск. *-qur-*, позднее же — с помощью общего для всех окончания *-la-*, например: монг., тюркск. *oḡla-* „кричать“, монг. *oḡkiḡa-*, тюркск. *oḡur-*, *oḡra-* „реветь, рычать, кричать“, монг. *kürle-*, *kürkiḡe* „гремять (о громе)“, казах. *kürkrö-*, алт. *kürkürö-*, тур. *kökrä-* „гремять (о громе)“, абак. *kügürt* „гром“; монг. *qorla-*, *qorkiḡa-*, *qorkila-* „храпеть, сопеть“ и т. д.

В якутском языке гласный в этом окончании является долгим, но в положении перед основообразующим суффиксом — кратким (*-la-*, *-lä-*, *-luo-*, *-lüö-*, но *-lan-*, *-läp-*, *-lon-*, *-löp-*, *-lat-*, *-lät-* и т. д.). В тунгусском языке *-lä-*, *-lḡ-* также обычно является долгим. Это, однако, не значит, что здесь перед нами стяжение двух суффиксов: долгота гласного обосновывается просто тем, что окончание несло более сильное ударение.

Неясно, что скрывается в корейском сложносоставном суффиксе *-rob-* (~ *-reḡ-* < *-ra-bu-*): окончание *-la-* или нечто вроде *-ra-*, напри-

мер: *sai* „новый“, *sairob-* „обновляться“; *hai* „вред“, *hairob-* „быть вредным“; *oi* „один (одинок)“, *oirob-* „быть покинутым“ и т. п. Во всяком случае, засвидетельствованный в тунгусском комплексе *-la-b-* подлежит сопоставлению с тюркскими производными образованиями *-la-n-*, *-la-t-*, *-la-š-* и т. п.

Если же осмелиться высказать предположение относительно происхождения окончания *-la-*, то, по моим соображениям, оно и по значению, и фонетически кажется ближе всего к падежному суффиксу *-li*, так же, как должны были бы быть взаимно связаны окончание *-ra-* с суффиксом *-ru* и *-da-* с *-di*.

в) *-d-*, *-s-*: монг. *adali-d-*, *-adali-s-* „походить“, *adali-d-qa-*, *adali-s-qa-* „сравнивать“; *jeke-d-*, *jeke-s-* „быть большим, быть слишком большим“, *jeke-d-ke-*, *jeke-s-ke-* „увеличивать“, *büri-d-* „объединяться, собираться“, *büri-d-ke-* „собирать“ (< *büri-* „каждый“); *ijile* „работать“, *ijile-d-* „работать“ и др.; тюркск. *jegäd-* „улучшаться, быть превосходящим“ (< *jeg* „лучше, пре.., през..“), *qutad-* „становиться счастливым“ (< *qut* „счастье“), *muḡad-* „мучиться“, *muḡad-* (то же), казах. *muḡdan-*, монг. *muḡdani-* „быть встревоженным, заботиться“ (< *muḡ*, *muḡ* „мучение, забота, нужда“) и др. В монгольском языке и различных его диалектах *-d-* и *-s-* чередуются. В тюркском глаголы типа *-ad-*, *-äd-* в силу законов фонетического развития дали *-ai-*, *-äi-*, в противоположность им *-id-*, *-ud-* в большинстве случаев выступает в виде *-it-*, *-ut-*: др.-тюркск. *ešid-*, кирг., тур. *ešit-*, чув. *ilt-*, *itle-* (< *ilt-lä-*) „слышать“, др.-тюркск. *köz-üd-*, уйг. *közät-*, тур. *gözät-* „рассматривать“, тат. *küzät-* „смотреть“. Отыменные глаголы на *-d-* в тюркском часто совпадают с глаголами на *-da-*.

г) *-da-*: монг. *daguda-* „звать“ (*daḡuḡ* „голос“); тюркск. *üntä-* „звать“ (*ün* „звук“); монг. *argada-* „перехитрить“ (*arga* „хитрость“); тюркск. *alda-* „обманывать“ (*al* „обман“, монг. *ala-sira-* „обманывать“); монг. *süke-de-* „рубить топором“, тунг. *suke-de-*, гольд. *sure-de-* (то же); монг. *aḡaga-da-* „бить (рукой)“ (< *alaga*, маньч. *ialaḡu* „рука, ладонь“, кор. *phal* — то же); монг. *elde-* „руководить, скверно обращаться, мять руками кожу“, тюркск. *ilt-*, *elt-* „приносить, руководить“ (< тюркск. *el*, чув. *al* „рука“), ср. тунг. *elge-* „вести, руководить“; тюркск. *qolt-* „вести, руководить“ (< тюркск. *qol* „рука“); монг. *uḡta-* „спать“, тюркск. *uḡut-*, ног. *uḡut-*, тур. *uḡut-*, алт., тел. *uḡtan-* „забывать“, монг. *uḡtara-* „угасать, засыпать“, монг. *uḡar-ta-* „забывать“, *uḡar-a* *ḡüḡ* „север, край ночи“, тунг. *oḡ-go-*, маньч. *oḡgo-* „забывать“, гольд. *oḡbo-* < *oḡ-go* „забывать“, якут. *oḡ-ulun-* „угасать“; тюркск. *u* „сон“, уйг. *udu-*, *udu-* „спать“, др.-тюркск. *udu-s-uḡ* „сон“, уйг. *uduqu* „спанье“, тат. *jeḡla-* ~ *juḡu-la-* „спать“, тур., ног. *uḡula* (то же).

Поскольку эти отыменные глаголы на *-da-*, *-ta-* встречаются и в монгольском, и в тунгусском, этот вид словообразования следует рассматривать как древний, а среди тюркских глаголов такие слова, как *uḡut-*, *elt-*, *koḡt-* и др., следует рассматривать как законные представители архаического языкового

наследия. Глаголы типа *üntä-, alda-* могут, пожалуй, скорее быть сколками с монгольских образцов; таковы чаг. *arγada-, arγa-* „перихитрить“ < монг.; тюркск. *ar-* „обманывать“. Остальное см. в *Verbstammbildungslehre*, § 48—.

д) *-ni-*: монг. *sarni-* „рассеиваться“ (< *sar*, голд. *sar* „туда сюда, в различных направлениях, без...“ = тюркск. *-suz*); монг. *örni-* „разжигать себя“ (< *ör*, первоначально **hög* „огонь“, кор. *pur, pul* „огонь“, тюркск. *ört* „степной пожар“, монг. *örbis-* „вспыхивать, взволноваться“); тюркск. *jäng-* (< **jäg-n-*) „побеждать, одерживать победу“, букв. „быть наилучшим“, монг. *dejil-* „одерживать победу“ (< *deg-il-*), тунг. *dē-ski* „кверху“, маньч. *dele-g* „начальник“, кор. *te* „больше“, *teŭ* „extra“ (монг. *det*). Глаголы на *-ni-*, являющиеся отыменными, принадлежат к наиболее архаическим образованиям, в противоположность чему то же само окончание *-ni-* как продуктивный суффикс возвратных вторичных глаголов в тунгусском языке, так же как и *-in-* в тюркском может опираться на образование по аналогии и на свежие явления в языке.

е) *-ša-*: монг. *šarša-* „отвердеть, окоченеть“ (< *šar* „сухая кора“), *büriše-* „собираться, объединяться“ (< *büri-* „все“, тюркск. *bir* „один, раз“, *birik-* объединяться); монг. *dulagaša-*, калм. *duläts-* „согреваться“ (< *dulān* „тепло, теплый“, тунг. *dulilan* „стало теплее“ < *dul-illan* „началась жара“), монг. *büli-ješe-* „становиться теплым, нагреваться“ (< *bülijen*, калм. *bülān, mōlān*, тунг. *buldi* „тепловатый“); монг. *dajiša-*, тюркск. *jaγuš-* „становиться врагами“ (< монг. *dajin*, тюркск. *jaγu* „враг, вражда“); тунг. *gōgša- dōgša-, mōgša-* „бороться, сражаться“ (ср. калм. *gūr* „запястье“), тунг. *ilša-* „плести“ (< *ilan* „три“).

ж) *-si-*: монг. *ogusi-* „входить, помещаться“ (< *ogun* „место“); монг. *sajisi-* „становиться опять хорошим“, фактитив *sajisija-* „одобрять“ (< *sajin* „добрый, хороший“); монг. *bagsi-* „наличествовать в большом количестве, быть многочисленным, образовывать груды“ (< *bag* „связка“, „завязка, том“); монг. *gajiqamsi-* „поражаться, выказывать удивление“, голд. *geŭng-si-* „нищенствовать“ (< *geŭng* „нищенствуя, молясь“ < *geŭg-* „молить“) и др. К этому же относятся различные производные образования, например: монг. *-si-ja-*, калм., халх., бурят. *-ša-*, монг. *-si-ŕa-*, калм. *-šig-*, тюркск. *-suy-, -syta-, -syt-* и отглагольное *šyuta-*, тунг. *-si-ni-, -si-n-*; ср. также тюркск. *-suy*, § 69. Этот тип словообразования, встречающийся еще и ныне в том или ином употреблении в большинстве языков и диалектов, обнаруживается также и в корейском языке: кор. *saramsireb-* „быть человечным“ (< *saram* „человек“, ср. монг. *kūmün* „человек“, *kūmünsig* „человекоподобный“, тюркск. *al* „красный“, казах. *alsymal, alsyman, alsymaq* „красноватый“), *isaŭsireb-* „быть чудесным“ (< *isaŭ* „чудо“), *teksireb-* „быть добродетельным“ (< *tek* „добродетель“) и т. д. (см. Кор. Gr., стр. 139). Корейское окончание *-sireb-* восходит, возможно, к сочетанию *-si-* с *-ra-bu-* или *-la-bu-*.

з) *-ta-*: монг. *kökere-*, тюркск. *kökär-, kögär-*, якут. *küögär* „становиться синим“; монг. *jekere-* „становиться больше“ (< *jek* „большой“, кор. *hjek*, диалектно *šek*, тунг. *hegdi* — то же); тюркск. *jaγu-* „обновляться“ (< *jaγu* „новый“, монг. *žangi* „новость“); тюркск. *eskir-* „стариться, состариться“ (< *eski* „старый, старинный“, < *es*, монг. *esi* „начало“, калм. *ešnešü* „сначала“); тюркск. *uŭar-* „становиться большим“, *uŭar-* „увеличивать, делать большим“ (< *uluŭ* „большой“); монг. *qarala-* (< *qara-ta-*) „становиться черным“, тюркск. *qarar-*; монг. *bökere-g* „крепче, дозволено крепко“, *böke-ge* „становиться крепче“ (< *böke* „атлет, крепкий, силач“) и т. п. Относительно окончания монг. *-reg, -rag*, тюркск. *-raq, -rāk*, которое вполне обособлено от глагольных основ служит для образования сравнительной степени, см. *Verbstammbildungslehre*, стр. 35. В тюркском древнее *-ta-* появляется ныне либо в виде *-ta-, -t-*, либо в виде *-at-*, что является результатом фонетического развития гласного в неначальном слове; в некоторых случаях очевидно также более позднее влияние монгольского. Окончание *-ta-* принадлежит, во всяком случае, к наиболее архаическим: тюркск. *ö-* „понимать“, *ög* „разум“, „разумение“, *ögrän-* „учиться, упражняться“, *ögrät-* „обучать“, ср. фактитивное *ögür-* „поучать, наставлять“, *ögürt ~ ögür* „совет“ (подробно ср. ниже); среди этих примеров, число которых легко может быть значительно умножено, имеются такие, в которых трудно распознать, с чем мы имеем дело: с неким окончанием *-te- ~ -ta-* или же, напротив, с краткой формой окончания, являющейся и более свежей по своему происхождению. Окончание *-ta-* в отглагольных глаголах может, как и *-la-*, восходить к развитию, подобному тому, о котором говорится в п. „д“ данного параграфа, следовательно, что-нибудь вроде: др.-тюркск. *jaŭ-* „разрушать“, *jaŭta-* „распалаться, разрушаться“, *jaŭ-tat* „разрушать“, алт. *jai-rat* „разбивать, разрушать“, посредством *jaŭ-ta- < jaŭi-ta-*, где *jaŭi* могло некогда быть именем на *-i*; тунг. *i-* „входить“, монг. *iŕe-* „приходить“, кор. *ogil-* „достигать, приезжать“, джурч. *iŕe-* „приезжать“; кор. *peŭ-* „класть“, тунг. *peŭ-* „класть“, монг. *pege-* „вкладывать“.

В тунгусском языке имеются многочисленные примеры образований на *-rga-*, которые представляют собой непереходные глаголы со значением „становиться чем-либо“, например: *terurge-* „ломаться“, *tekerge-* „ломаться“, *karurga-* „становиться рыхлым“ (~ лам. *kawor-* „растрескиваться“, *kawol-* „разламываться“, ср. монг. *kebereg, keüreg*, казах. *küjräk* „мягкий, рыхлый“). Здесь может идти речь о дальнейшем развитии имени на *-ta-g* путем присоединения к нему гласного *-a ~ -e-*, однако можно также думать и о том, что *-rga-* представляет собой более древнее *-r(a)-*, осложненное глагольным *-ga- ~ -ka-* [быть может, передающим длительность действия (континуативным) *-ga- = кор. ka-* „идти“].

и) *-ki-, -k-*. В тюркском в особенности имеется много примеров отыменного образования глагольных основ на *-k-* или *-ki-*, которым

в словах с гласным заднего ряда параллельны -q-, -qu-. В монгольском языке соответственным суффиксом является -iji-, -ji- в котором -ji- предположительно возводят к более раннему -gi-. В корейском языке также существует несколько глаголов, в которых в качестве словообразующего элемента встречается -k-. Например: пратюркск. *tal'ik-, др.-тюркск. taşuq- „выходить, удаляться“, чув. tuχ (< tulχ- < talχ-), якут. taγys- (< tasyu- < tasyq-) общетюркск. śuq-, казах. suq- (то же), монг. tali-ji-, калм. talli- „исчезать“, ср. др.-тюркск. taş „паружность“; др.-тюркск. ićik- „входить, оказываться“, ср.-тюркск. ićki-n „доставлять, помилосердничать“ (ср. выше, § 71, суффикс -gin); монг. küriji- „быть толстым“, тел., алт. kürik- „быть жирным“, кор. kuik-, сев.-кор. kurk- „быть грубым, быть толстым“ (< монг., тел. küg „толстый, жирный, комковатый“); кор. puik- „быть водянистым“ (< тунг. „вода“, монг. mögen „река“, ср. кор. puigi- „быть влажным, быть мягким“); кор. kkeq- „обламывать, разрывать в клочья“ (< kes-k- < kes „кусок, вещь“, тюркск. käs „кусок“, монг. kese- „обрезать, разделять“, тюркск. käs- — то же); кор. kikkeb- „радоваться“ (< kis-k-eb-, более древнее kis-ki-b), „быть обрадованным“, страдат. от kis-k- ~ kis- „радоваться“; кор. akki- (< *ač-ki-), akkab- (< ač-k-ab-) „относиться недоброжелательно, досадовать“. Довольно часто встречающиеся в корейском языке глаголы на -kab-, -keb- могут как и приведенные выше kikkeb-, akkab-, опираться на производное образование от исторически первичных глагольных основ на -k- ~ -ki-.

Что же касается фонетической формы этого окончания, то вполне вероятно, что мы имеем здесь дело с изначальным вариантом морфемы -gi- и -ki-; элизию -i-, которая произошла в тюркском и корейском языках в результате действия фонетических законов, так и следовало ожидать. Это очевидно и потому, что в тюркском наряду с ićik- встречается еще и ićgin. В монгольском языке прилагательные на -gi-, а позднее также и -gar, следует понимать как имена на -g- от глаголов на -gi-; это -gi- в интервокальной позиции развилось в -ji-, а возникшие таким путем типы глаголов, выражающих состояние, на более позднем этапе развития языка характеризует в исходе основы -aji- (-eji-), -iji-, -uji- нынешнее -ai-, -i-. Позднемонгольские глаголы на -ai-, -i- составляют ныне весьма продуктивную группу и внутри языка и даже вызывают появление тюркских подражательных образований (см. Verbstammbildungslehre, стр. 54—). Напротив, исконно-тюркские глаголы на -ai- восходят к более древнему уйг. *-ač- < др.-тюркск. -ad-.

к) -а: тюркск. aša- „есть“¹⁶⁵ (< aš „кушанье, хлеб“, кор. al „зерно, семя“), тюркск. jaša- „жить, наступать какой-либо годовщине“ (< jaš „год жизни, возраст“, монг. pasun, кор. pā „age“, тюркск. монг. qaqa- „пускать кровь“ (< тюркск. qaп „кровь“), тюркск., монг. saqa- „думать, рассчитывать“ [< тюркск., кор. saп „счет, количество, подсчет“ (< кит.), чув. sun, венг. száп „число“], тюркск.

jana-š- „граничить“ (< тюркск. jan „сторона, бок“, кор. taп „граница, край“, тюркск. janaša „вместе, друг возле друга“), др.-тюркск. jarlyqa- „приказывать“ (< jar-lyq „приказ, объявление“, монг. žar „опубликование, приказ“); тунг. buga-m „я сержусь“ (< тюркск., монг. bug „гнев“, монг., тюркск. bug-sa- „разгневаться“), тунг., алба-m „я не могу“ (< тюркск. alp „затруднительный“); тюркск., чаг., коман. qorsa- „воспевать“ [< qobuz „музыкальный инструмент, скрипка“, монг. хүг „скрипка“ (монгольская) < кит.].

Глаголы на -а- в тюркском довольно многочисленны и, тюркологи единогласно принимают гипотезу существования глагольного суффикса -а- для производных образований. Фактически этот -а-, по крайней мере в некоторых диалектах, воспринимается еще как особое окончание (например, бараб. kängäš „совещание, совет“, kängäšä „советовать, обсуждать“); однако приходится все же сомневаться в том, действительно ли можно, придерживаясь фонетических законов, рассматривать такой краткий гласный, как например здесь -а-, -ä-, а ниже -i-, -y-, как самостоятельный словообразующий элемент. История развития гласных звуков в начальном слове учит нас, что -а- и -i- могут выполнять прежде всего только функцию соединительных гласных. Имя может быть, так сказать, „конверсировано“, т. е. примениться в роли глагола и не будучи снабжено каким-либо особым окончанием, как это часто имеет место, например, в английском языке.

л) -i-: тюркск., чаг. kängi- „распространяться, убирать куда-либо“ (< käng „далеко“)¹⁶⁶; тюркск. jāni „быть легким“, jānil, уйг. jān-gül, чув. šāpāl „легкий“; кор. ča-i- (приносится ča-) „измерять длину“ [< кит.-кор. ča „нога“ как мера длины (= фут)]; кор. pa-i- (призн. pā) „забеременеть“ (< pa-i „живот“); кор. hji- „быть светлым, быть белым“, возможно, более древнее hai-ji- < hai „солнце, день, год“; кор. sipalgatha „быть ярко-красным“ < *si-pulga-hada, тунг. si- „быть ярким (светлым)“, siup „солнце“, маньч. šup „солнце, день“. В корейском языке этот -i-, как элемент образования глагольных основ, принадлежит к древнейшему достоянию языка, и, пожалуй, невозможно решить, был ли этот элемент первоначально отыменным или отглагольным. Отглагольный -i-, -gi- фактически представляет собой, должно быть, вторичное развитие более позднего этапа: кор. te-i-, ныне te- „согреть“, ср. te-b- „быть теплым“, фактив te-u- ~ te-gu- „заставить нагреть, дать нагреться, дать согреть себя“; кор. tegeb-, сев.-кор. terb- „быть грязным“, фактив tege-wi- „загрязнять“, сев.-кор. *terphi- и *terphti- (> tepti-) — то же.

Чем более употребительна глагольная основа и чем более четко ее значение, тем более свежий тип образования она собой представляет. Наиболее древние типы образования мы встречаем в таких глаголах, в которых суффикс или сам способ образования уже не распознается. Помимо приведенных выше одиннадцати групп, существует, разумеется, еще множество случаев, где либо два глагола, либо имя и глагол соотносятся

таким образом, что один (или одно) из них должен быть первичным, а другой вторичным, производным от него. Ср., например, монг. пог- „стать мокрым“, пог-га- „мокнуть“ >< појітап „мокрый, мокротá“, појітаг „мокротá“; монг. көг- „быть холодным, становиться замороженным“, көг-ге- „охлаждать, замерзать“ >< көјітеп¹⁶⁷ „холодный, холод“, көлде- „мерзнуть“, көлдегү „замерзший“; монг. гаг- „выходить, всходить“, тунг. гагви- „лучиться“ >< кор. ка- „уходить прочь, идти“, тунг. кариг-га- „растворяться“ (т. е. га- „идти“, как гольд. ене-ј „идет“ кериг енеј „становится тухлым, портится“, таким образом, „идти“ > „становиться“); монг. гаг „рука“, даг. гаіі, маньч. гага, тунг. гага, гага „рука“ >< тунг. га-, га- „брать“, маньч. га-жі- „взявши (бсря) прийти, принести сюда“, кор. кажі- „приносить, держать“, тунг. гаг-да- „держать“, монг. гаг-да- „управлять чем-либо, владеть“ и т. п.; хунн. (Shiraioti) га-, монг., монгНГ. га-, калм. га- „(из лука) стрелять“, монг., монгНГ. гави-, калм. гав, гавъ „меткость (в стрельбе)“ >< монг. гавви-, калм. гавв-, тунг. каври-, гаври- („стрелять из лука“); тунг. ви-, маньч. вуде- „умирать“ >< тунг. вигви-, маньч. вигви- „умирать“ (быть может, „подлежать смерти?“); монг. шајі- „светать“, шаі „светловолосый, светлый“, шагап (маньч. шајап, шајап, гольд. шакжап) „белый“, шакіг, шакіг „белоглазый (о лошадях)“, монг. шауп „снег“; монг. гејі- „быть ясным, быть светлым“, геге-і „свет, зеркало“ (> койб. кігәі „свет, зеркало“), монг. геגעп, калм. гегәп „дневной свет, светлость (титул), его святейшество (сан)“, монг. геге „видимый, зеркало“ (например, геге сідүн „передние зубы“), тюркск., уйг. кіртү „правда“, кіртгүн- „веровать“ и т. п.; тюркск. қош „двойной, пара“, якут. хос (то же) >< якут. хою- „связывать“, монг. қоба- „связывать“, кор. карва „и, вместе с...“ (< *кагв-); тюркск. јалун-, јалвар- „быть внимательным, поклоняться“, монг. јалва-гі- (то же) >< монг. јалі, тунг. јалі „чувство“; монг. пајіца-, пајіжа-, пајіцајжа- „шататься туда-сюда, колебаться“ >< тунг. пај „длинный тонкий шест, рейка“ и т. п.